

Советская авиация располагает всеми средствами и оружием, чтобы нанести удар по агрессору в любой точке земного шара.

См. на стр. 18—21 статью «Всегда на старте».

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1967 ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

ЛЕНИНГРАД

— ПО ДОРОГАМ СЛАВЫ ОТЦОВ ИДУТ МИЛЛИОНЫ ЮНОШЕК И ДЕВУШЕК, ОПЫТ СТАРШИХ ПОКОЛЕНИЙ, ИХ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВЕРА И УБЕЖДЕННОСТЬ — НАДЕЖНОЕ И ИСПЫТАННОЕ ОРУЖИЕ В БОРЬБЕ ЗА УТВЕРЖДЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ.

НАШИ ОТЦЫ ВЫСОКО НЕСЛИ ПО ЖИЗНИ ЗНАМЯ РЕВОЛЮЦИИ. МЫ ВСЕГДА БУДЕМ ХРАНИТЬ В ЧИСТОТЕ ЭТО ГОРОДСКОЕ ЗНАМЯ, ПРОНЕСЕМ ЕГО СКВОЗЬ ВЕКА, УТВЕРДИМ НА ЗЕМЛЕ САМУЮ СВЕТЛУЮ МЕНТУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА — КОММУНИЗМ.

НАШИ ОТЦЫ ПОВЕДИЛИ РАЗРУХУ И ГОЛОД, ПОСТРОИЛИ ОСНОВЫ НОВОГО МИРА. МЫ БУДЕМ ВЕРНЫ ГЕРОИКЕ ИХ ТРУДОВЫХ БУДНЕЙ, ВСЕ СИЛЫ, ВСЕЖИВУШЕЕ ЭНТУЗИАЗМ ЮНОСТИ ОТДАДИМ ТРУДУ НА БЛАГО РОДИНЫ.

НАШИ ОТЦЫ В ТРУДНЫЙ ЧАС ОСТОЯЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ОТЧИЗНУ ОТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ ВРАГОВ. МЫ СЯТО ВЕРЖЕМ ВЕЛИКИЕ ЗАБОВАНИЯ ОКТЯБРЯ. ГОТОВЫ ПО ПЕРВОМУ ЗОВУ ВСТАТЬ ГРУДЬЮ НА ЗАЩИТУ РОДИНЫ, ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ СРАЖАТЬСЯ ЗА ПРАВЕ ДЕЛО И ПОВЕДИТЬ.

СЕГОДНЯ, КОГДА ПРОВОДИТСЯ ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ ИТОГ ОКТЯБРЯ, КОГДА ПОЛУВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ УБЕДИТЕЛЬНО СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ВЕРНОСТИ ИДЕЙ ЛЕНИНА, НЕИСКРАЕМЫХ СИЛАХ И ВОЗМОЖНОСТЯХ СОЦИАЛИЗМА, МЫ ОТ ИМЕНИ ЮНОСТИ И СТРАНЫ СОВЕТОВ ПРИСЯГАЕМ НА ВЕРНОСТЬ ТЕБЕ, ПАРТИЯ, И ВЕРИМСЯ, ЧТО ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ, СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ВСЕГДА БУДЕТ, ЕСТЬ И БУДУТ ТВОИМ ВЕРНЫМ ПОМОЩНИКОМ И РЕЗЕРВОМ.

И ПУСТЬ ВСЕГДА НА ПУТИ К ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ ОСЕЯЕТ НАС ЗНАМЯ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА, БЕССМЕРТНЫХ ИДЕЙ ОКТЯБРЯ.

Из обращения III съезда участников Всесоюзного похода молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа посвященного 50-летию Великого Октября, к юношам и девушкам Страны Советов.

ЮНОСТЬ 1967.

ОКТОБРИАНСКОЕ МОЛОДЕЖНОЕ ВСТРЕЧАЮЩЕЕСЯ В ЛЕНИНГРАДЕ 1967

...ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, СОВЕРШЕННАЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ В. И. ЛЕНИНА, ЯВЛЯЯСЬ СОБЫТИЕМ ОГРОМНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ, ОНА НЕ ТОЛЬКО ПОТЯЖАЛА И В КОРНЕ ПРЕОБРАЗОВАЛА ВЫШУЮ ЦАРСКУЮ РОССИЮ, НО И ОКАЗАЛА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВАЖНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ВЕСЬ ХОД ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ. ВОТ ПОЧЕМУ ТАКОЕ БОЛЬШОЕ ЧИСЛО МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН И КОНТИНЕНТОВ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ РАЗЛИЧНЫЕ СИЛЫ, ТЕЧЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ, ОТКЛИКНУЛОСЬ НА ВАШЕ ПРИГЛАШЕНИЕ ПРИЕХАТЬ В СССР.

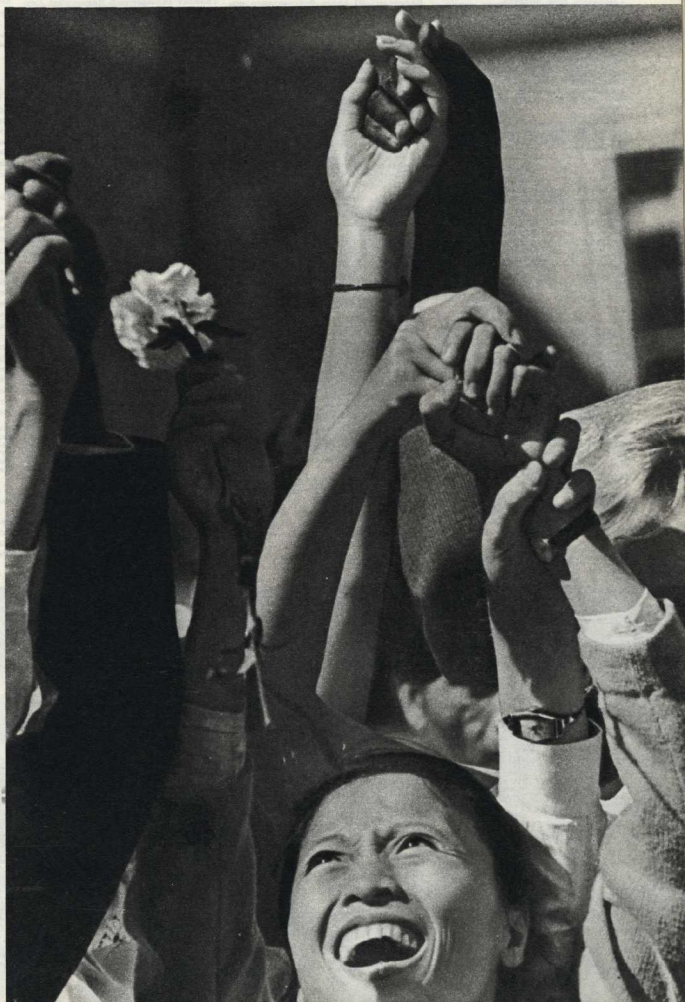
...ВМЕСТЕ С ВАМИ, ДОРОГЕ СОВЕТСКИЕ ДРУЗЬЯ, МЫ ВЫРАЖАЕМ НАШУ СОЛИДАРНОСТЬ СО ВСЕМИ БОРЦАМИ ЗА СВОБОДУ И ДЕМОКРАТИЮ, КОТОРЫЕ ВЕДУТ МУЖЕСТВЕННУЮ БОРЬБУ ПРОТИВ СЕЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ, АГРЕССИИ, КОЛОНИАЛЬНОГО И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСПОДСТВА.

СОВЕТСКИЕ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ!

МЫ ВЫРАЖАЕМ ВОСХИЩЕНИЕ ВАШИМИ ДОСТИЖЕНИЯМИ И ПОДТВЕРЖДАЕМ НАШУ ГОРЯЧУЮ ДРУЖБУ И ИСКРЕННУЮ СИМПАТИЮ К ВАМ И КО ВСЕМУ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ В СВЯЗИ С 50-ЛЕТИЕМ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

МЫ ЖЕЛАЕМ ВАМ НОВЫХ УСПЕХОВ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЦВЕТУЩЕГО И СЧАСТЛИВОГО БУДУЩЕГО В ВАШЕЙ ПРЕКРАСНОЙ СТРАНЕ.

Из обращения участников Международной встречи молодежи, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, к юношам и девушкам Советского Союза.

ЛЕНИНГРАД · ИЮЛЬ 1967 ·

Ровно в полдень со стены Петропавловки улетит пушка. Выстрел слышен далеко, и эту минуту ленинградцы смотрят на часы.

Выстрел. Бух. Гремят выстрелы, и время отсчитывает холостыми гильзами дни и годы.

Выстрел! Позвоночный шпальт Администрации.

Выстрел! Безмятежен! Александрийский столп перед Знанием дворцом.

Волны туч плещутся о серый металл «Авроры», поставленной на воду.

Выстрел! На Невском, на одном из домов, старая надпись: «Эта сторона улицы при артобстреле менее опасна».

Выстрел!

В аэропорту, на вокзалах, на улицах мы спрашивали у гостей Ленинграда:

— Что значит для вас этот город?

Вот что нам ответили.

МОЛОДЫЙ АЛЖИРЕЦ. Символ борьбы народа за свободу.

ОДИН ИЗ РУКОВОДИТЕЛЕЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОНСТРАЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ ФРАНЦИИ. Ленинград — это родина революции, пятисотлетней и продолжающейся по триста три года.

КОМУНИСТ ИЗ БОЛГАРИИ. Ленинград — это значит мужество.

А потом мы снова задавали этот же вопрос, и нам снова отвечали.

МОЛОДОЙ СТРОИТЕЛЬ ИЗ СИБИРИ. Ленинград — мое сердце. Здесь погреб мой отец, защитник города от фашистов.

МЕТАЛЛУРГ С УКРАИНЫ. Мой дед штурмовал Зимний...

ПОМОЩНИК ИЗ ТАДЖИКИСТАНА. Этот город назван именем Ленина — что может быть блженнее.

Мы спрашивали снова и снова. Коммунисты, либералы, консерваторы. Японцев, русских, немцев, американцев. И все они говорили так, будто выросли в одной семье.

Они говорили, что Ленинград — это Октябрь, а Октябрь — это свобода, это революция, это социализм, то, чем живет и о чем мечтает вся прогрессивная молодость планеты.

Два людские реки сливались в Ленинграде. Одна — из всех уголков на-

шей страны. Другая — из всех уголков мира. Участники Международной встречи «Октябрь и молодежь» и победители III слета Вассонадорского похода по местам славы советского народа. Представители 300 молодежных организаций из 120 стран Земли. Сотни советских парней и девчат, продолжавших дело отцов, отцами их великий революционный, трудовой и боевой подвиг.

Нет, не зря сплели эти две реки в Ленинграде, городе, над которым громылуг полвека назад выстрел «Авроры».

Шершавый камень. Бронза врубленная в камень строк:

«Вам, беззаветным защитникам нашим, мертвым героям Великой войны...»

«Память о вас навсегда сохранит Ленинград благодарный».

«Вечен ваш подвиг в сердцах поколений граждан...»

Огромные квадраты братских могил. Безымянных. Помеченных только датами: 1942. И снова 1942. 1943. И ряд за рядом: 1943...

В тот последний памятник, список имен братских этих могил, список ширинг безусых солдат с факелами молча шли люди.

Парни и девчонки, чьи жизни начались уже после войны. Та, кто знает о войне по кингмам. Но разные бывают кингма...

— В их руках — маленькие книжечки. На первой странице девочки. Ее звали Тая Славкина. Ее было одиннадцать лет. Во время блокады она вела дневник.

«МНЯЯ УМЕРЛА ЗА ВЕК. В 1230 ЧАС. «БАВШИА УМЕРЛА...» «БЕКА УМЕР...», «ДЯДЯ ВАСЯ УМЕР...» И последние строчки: «УМЕРЛА ВСЕ... ОСТАЛАСЬ ОДНА. ТАЯ...»

Но умерла и она, эта маленькая школьница.

Такой ценой заплатил Ленинград за то, что не склонил головы перед врагом.

— Идут и идут колонны в скорбном молчании. Идут колонны шагов. Склонились знамена к подножию обели-

сков. «Лица! Лица людей скорбящих!»

Безусилье солдаты с факелами в руках. Русские, англичане, молдаване, шведы, узбеки, японцы, чехи, белорусы, поляки...

Ихний шорох шагов и взволнованный голос диктора — голос ленинградцев, обращенный тогда, в 41-м, к братьям по оружию.

«Говорит осажденный Ленинград! Говорит осажденный Ленинград! Слушайте все! Слушайте отрывки из первоапрельской нами светитной директивы военно-морского штаба германских вооруженных сил от 29 сентября 1941 года за № 1-3, 1601/41: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли... После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта...»

Сжимаются кулаки. Не выносят! Не выносят ко всему, что уничтожает, гнетит, унижает человеческую жизнь, свободу, человеческое достоинство.

Сжимаются кулаки!

Сжимаются кулаки!

Нгуен Туэн, Герой Народной армии Вьетнама, рассказывает о том, как быстро вспыхнул от американских бомбежек легкое джипы вьетнамцев. Как каждый день каждый вьетнамец — ребенок, старик, женщина — веди бомбы не выбирают, — ходит на волосок от смерти.

У нас много друзей, — говорит Туэн. — Нгуен Тхи Шют — это то же имя, которое доставляла нам на лодке через реку боеприпасы под угрозными огнем. А ей уже шестидесять. Однажды и нам пришлось — один мальчишка — ребенок, старик, женщина — веди бомбы не выбирают, — ходит на волосок от смерти.

У нас много друзей, — говорит Туэн. — Нгуен Тхи Шют — это то же имя, которое доставляла нам на лодке через реку боеприпасы под угрозными огнем. А ей уже шестидесять. Однажды и нам пришлось — один мальчишка — ребенок, старик, женщина — веди бомбы не выбирают, — ходит на волосок от смерти.

У нас много друзей, — говорит Туэн. — Нгуен Тхи Шют — это то же имя, которое доставляла нам на лодке через реку боеприпасы под угрозными огнем. А ей уже шестидесять. Однажды и нам пришлось — один мальчишка — ребенок, старик, женщина — веди бомбы не выбирают, — ходит на волосок от смерти.

У нас много друзей, — говорит Туэн. — Нгуен Тхи Шют — это то же имя, которое доставляла нам на лодке через реку боеприпасы под угрозными огнем. А ей уже шестидесять. Однажды и нам пришлось — один мальчишка — ребенок, старик, женщина — веди бомбы не выбирают, — ходит на волосок от смерти.

У нас много друзей, — говорит Туэн. — Нгуен Тхи Шют — это то же имя, которое доставляла нам на лодке через реку боеприпасы под угрозными огнем. А ей уже шестидесять. Однажды и нам пришлось — один мальчишка — ребенок, старик, женщина — веди бомбы не выбирают, — ходит на волосок от смерти.

У нас много друзей, — говорит Туэн. — Нгуен Тхи Шют — это то же имя, которое доставляла нам на лодке через реку боеприпасы под угрозными огнем. А ей уже шестидесять. Однажды и нам пришлось — один мальчишка — ребенок, старик, женщина — веди бомбы не выбирают, — ходит на волосок от смерти.

У нас много друзей, — говорит Туэн. — Нгуен Тхи Шют — это то же имя, которое доставляла нам на лодке через реку боеприпасы под угрозными огнем. А ей уже шестидесять. Однажды и нам пришлось — один мальчишка — ребенок, старик, женщина — веди бомбы не выбирают, — ходит на волосок от смерти.

У нас много друзей, — говорит Туэн. — Нгуен Тхи Шют — это то же имя, которое доставляла нам на лодке через реку боеприпасы под угрозными огнем. А ей уже шестидесять. Однажды и нам пришлось — один мальчишка — ребенок, старик, женщина — веди бомбы не выбирают, — ходит на волосок от смерти.

У нас много друзей, — говорит Туэн. — Нгуен Тхи Шют — это то же имя, которое доставляла нам на лодке через реку боеприпасы под угрозными огнем. А ей уже шестидесять. Однажды и нам пришлось — один мальчишка — ребенок, старик, женщина — веди бомбы не выбирают, — ходит на волосок от смерти.

черпает она из народной невинности к агрессорам, из любви к своей земле. И победы Народной армии постигнут антеевы.

— На нашем счету 124 сбитых самолета противника, — рассказывает Нгуен. — Были случаи, когда удавалось сбивать по два самолета одной ракетой, и это не редкость. Таких подразделений в стране немало.

Нет, вы не вите, не просто: разве забудешь зарытую воронками родную землю!

Он улыбается, потому что знает: Вьетнам не один. А теперь он видит это своими глазами.

Вот он, один из братьев Нгуена.

В небольшой листовке, которую моряки Сидней издали, собрав для этого денги старым испытанным способом — шляпка по крутку, к его имени Джон Грэхем Скотт добавлено: «экс-«Бунаур». В переводе с латинского жаргона моряков и докеров это означает, что Скотта уволили с теплохода «Бунаур», на котором он проплавал несколько лет.

А он, этот высокий темноволосый парень с обаятельной улыбкой, гордится приставкой «экс». Если захотите, это его визитная карточка, которая сразу же распологает к двадцатипятилетнему австралийцу. Джон — один из моряков австралийского судна «Бунаур», экипаж которого отказался везти груз для армии агрессора, вносящий во Вьетнам. О солидарности австралийских парней с героическим Вьетнамом не было ни строчки в газетах Сидней и Мельбурна. Вот почему моряки на свои собственные средства выпустили листовку. Им хотелось, чтоб как можно большее число людей знали: трудявая Австралия против грязной войны, в которую ее пытаются втянуть американцы.

— Не так-то было просто обмануть это народ, — говорит Джон. — Потому грязь, клеветы, угрозы, которые выплеснули на нас оглоуные «ур-патристы», были мгновенно перехвачены большой прессой. Силы, силы понимают, неравные.

Джон, у которого двое малышей, выбросил с работы. Его обвиняют в

Митинг-реквием на Пискаревской кладбище.

Эти ребята по праву могут буденовцы: они прошли по дорогам Первой Конной армии.

Никто не забыт и ничто не забыто.

предательства национальных интересов». Ему говорят, что в тромах его теплохода, кроме оружия и боеприпасов, были сигареты, пиво и консервы для австралийских солдат, скрывающихся в джунглях под американским флагом,— разве он и его друзья-морские вправе отказать в комфорте своим соотечественникам?

— Конфорт для разбойников? — усмехается Джон. — Что же касается национальных интересов, то предадим их им, а правительство Австралии, политику которого оправдают слова «всегда заодно с Диксонсонами».

Мы впервые встретились с Диксоном, но давно знаем его друзей. Это они 50 лет тому назад отказывались посылать Антанте, ковавшей с Советской Россией. Это они вставали в Одессе и в Киле. Их братья спасали себя Германию, организуя сопротивление в логове фашизма. Это они и сбрасывали в море танки, предвзвещающие к отправке в Корею.

Мы давно знаем Дикона и уверены в нем. Он всегда будет с теми, кто борется за свободу.

Как старому другу, улыбаются австралийцы ребята из Вьетнама. Общаются с ними, Джон идет по Ленинграду, и только его походка —

цуть вразумлю — выдает в нем моряка. Эйс-моряка! Непрада! Джон выбрал верный курс!

Однажды по праздничной набережной шел моряк-офицер. На лавочке, тихо наигрывая, сидела ребята с гитарой. Моряк замедлил шаг. Потом присел. Попросил гитару.

Взав уверено несколько аккордов, повернулся к ребятам:

— А такую песню не слышали! Мы ее пели в сороковом, на выпускном вечера в училище.

— Он такжно заявил:

— Горьковатый вкус портеяна, Рюмкин излучает глубоким. И на Тиме и на Райне Колюхаются штаны...

— Стихи сочинил наш товарищ, но-вопеченный штурман-походник Алеша Лебедев.

— Это пост Алесий Лебедев! Его именем названа улица в Кронштадте!

— Да, и пост и штурман... Саадыт ягод винограда, Валес неторопясь... Мовет, винная блянда Заперла залива...

Песня эта, пришедшая к ребятам в дни слета, была написана молодым офицером, который погиб, спасая товарищей.

И таких памятников много было возведено на слете.

— Низкий рев тепловых гудков, и на синюю гладь Ладоги ложится один за другим венок. Здесь произошла ледовая «Дорога жизни» — тонкая нить, связавшая осажденный Ленинград с Большой землей.

Ломается веник — пахнет тем, кто водил здесь машины, кто сражался и победил.

Ребята из Новосибирска привезли на слет комплект журнала. Журнал этот «стихийный». Он называется «Сибиряк в бою». Под яркими обложками собраны материалы о легендарной дивизии — Сибирской добровольческой, той самой, что вместе с другими отстояла Москву.

Комплект журнала — тоже памятник.

Память... Это не только дело погубивших, это еще и мера, которой равняют свои дела, свои жизни те, кто молод, те, кто верен этой памяти.

Но память нашего народа особая.

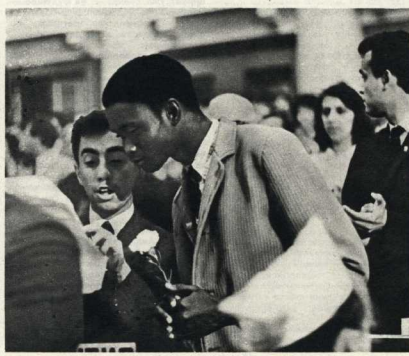
История, жизни, подвиги в революции, борьбе и труде наших предков, наших отцов и дедов имеют великий смысл не только для нас — для всего мира. Вот почему память эта стала живой и яркой и для советских ребят и для всех зарубежных гостей Ленинграда в те вотcher...

...Дворцовая площадь. Обычно пустынная и безлюдная, в час торжественной манифестации эту главную площадь Ленинграда до краев заполнили молодежь. Лучи прожекторов выхватывают из темноты полотноща

Участники Международной встречи приветствуют Нуген Твен Фоана, секретаря ЦК Союза трудящейся молодежи Вьетнама, этой маленькой, гордой и непокоренной страны.

Язык ленинградской встречи — язык дружбы.

лозунгов и знамен, всплывают на красных пиютах пионеров и белых безобразиях мориков, словно бы отблеском красногвардейских костров сномяют по строгому полющучу Главного штаба до залывания враскаду Зимнего дворца, по монолиту Александрийской колонны. В шум и говор вливаются звуки оркестров. Революционеры возглавляют о начале манифестации. Метроном отсчитывает секунды. Удары его все громче.

Через арку Главного штаба, с парнями над ее пролетами гениями славы и возмесьеи колонесий победы, выхватит на площади раздануя ряды, бронетранспортер с большим флагом слета. За бронетранспортером — колонии демонстрантов.

Солдаты возглавляют о начале манифестации. Метроном отсчитывает секунды. Удары его все громче.

Слушай, юность!

Грохот артиллерийского выстрала сотрывает стены. Так программа столетия назад звал «Авроры», возвестивший рождение нового мира. И точно над площадью голос Владимира Ильича, сохранившийся для истории. Ленин провозгласит, свое знаменитую речь «что такое Советская власть».

В живом коридоре молодежи идут седолаея мужичины и женщины. Их немного, всего несколько человек. Но расступается перед ними Дворцовая площадь: это идут те, кто пятьдесят лет назад по этой же дороге шел на штурм Зимнего. Теперь они идут дорогой почта, и молодежь рукоплещет им.

А вслед за ними почетные знамена страны. На броневике — знамя «Авроры». Его сопровождает первый комиссар легендарного крейсера Александр Бельшес и председатель революционного Центроблата Николай Измайлов. На тракторе «Киров» — знамя Комсомольска-на-Амуре. В почетном его карауле — прославленный кузнец Александр Бусыгин, Еваджия Солотина, первый приволаеи на строительство города юности, радист-поланрин Эрст Крекель. Грозный бронетранспортер несет знамя Победы. Рядом с ним те, кто водрузил стга над райсоном: Константин Саваоооо, Михаил Богомолов, Мелитон Кантария. На открытой машине — знамя Центрального Комитета комсомола.

Вот она, ожившая память великого народа!

Слово клятвы, звучит слова: «Мы говорим нашей партии, нашему народу, что советская молодежь никогда не свернет пути, завещанного отцами, никогда не свернет с дороги Октября».

А дорога Октября — это верность идеалам отцов. Это готовность в любую минуту по первому зову партии встать на защиту званований социализма. Это — братство со всеми, кто борется за счастье своих народов. Дае река, дае мочина, река, соединившись в море на Дворцовой площади, стали силой, огромной силой, выражающей готовность бороться за справедливость, за братство, против насилия и рабства империализма.

— И снова в полдень на Петропавловне ухает лупина.

Выстрел! Время движется неуловимо. Время отсчитывает дни и годы. Полевы нашему государству, Полевы работы, боев, побед. Мы теперь не один, как это было в семидцатьом. С нами лагеря социализма. С нами сердца миллионов людей во всем мире. Пусть идет время. Его боится только слабые.

Л. ВОЛКОВ, А. СВИРИДОВ, В. СЕРГЕЕВ, Ю. ПЕРВ, А. ТЕРЕНТЬЕВ

Фото Виктора САЙКА

МОЛОДОСТЬ ТРУД ВОСПИТАНИЕ

СЛОВО СОЦИОЛОГАМ

■ ПРОФЕССИЯ ВЫБРАНА. ЧТО ДАЛЬШЕ?

■ ТРУДНОСТЬ ПЕРВАЯ: САМОСТЯТЕЛЬНОСТЬ.

■ «ЗАВОДУ ТРЕБУЮТСЯ...»

■ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА — ВОСПИТАНИЕ.

■ «ЛАБОРАТОРИЯ КОМСОМОЛЬСКОЙ РАБОТЫ».

■ ЧТО ТАКОЕ РАБОЧИЙ КОЛЛЕКТИВ.

■ КАК ПРИХОДИТ ГРАЖДАНСКАЯ ЗРЕЛОСТЬ.

В № 16 «Смены» мы начали знакомить читателей с некоторыми вопросами, которые обсуждали социологи на Всесоюзной научно-теоретической конференции «Социализм и молодость». Конференция была организована ЦК ВЛКСМ совместно с Академией наук СССР и Министерством высшего и среднего специального образования СССР в честь 50-летия Октября.

В прошлом номере речь шла о студенчестве. Сегодня за нашим «круглым столом» вы встретитесь с социологами, исследующими жизнь рабочей молодежи. В ближайших номерах журнала мы продолжим разговор о проблемах, поднятых социологами.

Трудовое воспитание начинать нужно еще в школьной юности — к этому выводу давно пришли многие ученые. Однако вопрос, КАК это делать, требует дополнительных исследований. Склонность к труду надо целенаправленно воспитывать, причем не только вообще («трудиться хорошо, а лентяйство дурно»), но конкретно: пробуждать любовь к определенному виду труда — и не просто как бог на душу положит, а в зависимости от способностей молодого человека.

Ю. Орлов, кандидат философских наук из Балашова, справедливо считает, что профориентация молодежи, столь плохо пока поставленная, должна быть не только суммой сведений о профессиях, но и детальной информацией о комплексе психологических и физических требований, необходимых, чтобы отлично владеть профессией. Тогда можно будет действительно точно, а не наугад выбрать дело по себе. Но при этом, отмечает ученый, выбор должен быть значительным: в пределах 20—30 профессий. Пока все решается интуитивно, мнения семьи, знакомых, но наука планирует уже сейчас... на будущее — организацию квалифицированных психологических лабораторий по профориентации в каждом населенном пункте.

Итак, предположим, молодые люди, получив научную консультацию, выбрали профессию верно. Что же дальше? Как вчерашний школьник становится рабочим? Получил пропуск на завод, надел спецовку, встал к станку, и все! Конечно, нет.

Московский ученый А. Трошин разрабатывает проблему адаптации вчерашнего школьника в рабочем коллективе. Он пришел к выводу, что психологический процесс приспособления выпускника школы, ранее со всех сторон опекаемого, к самостоятельной деятельности и быту очень не прост.

С. Артемов, сотрудник Уральского филиала Академии наук, поясняет, к чему именно приходится приспосабливаться бывшему школьнику: к профессионально-производственным требованиям, к новым условиям труда и быта, к новому коллективу, его обычаям и традициям. Школьник, пришедший на завод, в отличие от школьника, поступившего в вуз, меняет не учебное заведение, а «сту-

пень» деятельности. Это требует значительной перестройки его жизни. Облегчить эту перестройку, считает С. Артемов, может подготовка молодого рабочего в профтехучилище.

На страницах нашего журнала ранее публиковались материалы, исследующие причины, по которым школьники, не окончив средней школы, идут на завод: это и желание стать самостоятельными и потребность в некоторой материальной независимости. Однако мы не можем не присоединиться к выводу ученого о том, что именно профтехучилищу лучше всего стать первым этапом адаптации.

Для тех, кто миновал эту ступень, адаптация начинается прямо в цехе. Здесь «притирка» идет по принципу «соединения» обучения с производственным трудом. Этот принцип включает в себя требование всеобщности труда и направляет на всестороннее развитие личности. Благодаря ему каждый располагает возможностью овладеть общим запасом знаний и опыта. Этот принцип включает в себя и требование трудового воспитания всех людей. А это залог не только развития физических и умственных способностей человека, но и воспитания коммунистического отношения к труду. М. И. Калинин говорил, что «любовь к труду является одним из главных элементов коммунистической нравственности».

Но каждый ли молодой рабочий получает от своей работы, от своей самостоятельной жизни чувство удовлетворения? Не каждый. Причины различны. Обучение на месте часто зависит от характера и педагогических навыков мастеров или инструкторов. На конференции приводился, например, такой факт: на Средне-Уральском металлургическом заводе для обучения пришедших в 1966 году подростков выделяли 50 инструкторов, из которых 28 не имели даже неполного среднего образования. Часто обучение происходит в спешке и «созерцательным» способом: мастер или прикрепленный рабочий стоит у станка, а ученик кумитесь, не прикасаясь руками... Чего стоят такие знания, вряд ли нужно комментировать... И тем не менее эта система обучения, и смешивания приливает некоторых юношей и девушек. В основном потому, что срок обучения здесь короче, хотя и в ущерб знаниям.

А. Шерова, научный сотрудник из

В формировании идейно-нравственных качеств советского человека огромную роль играет трудовой коллектив — важное звено экономической, социальной и духовной жизни социалистического общества.

Из Тезисов ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

Перми, подчеркивает важность связи рабочих заданий с уровнем образования и профессиональной подготовки. Нарушение ее может вести к снижению заинтересованности в работе, понижению производительности труда, наконец, текучке.

Перспективы вида труда — труд маляка, слесаря-борщика, автоматчика и т. д. — способствуют повышению общественной активности личности. Молодежь, как правило, привлекают профессии, связанные с требовательно довольно значительного уровня образования и квалификации. — вот мнение московского социолога В. Иванова.

Но в то же время пока еще объективно нерешены проблемы сдвигания вверх требований к профессии средней и низкой квалификации. Разрыв между высокими квалификационными требованиями и низкой разрядностью работы — серьезная проблема. Думается, что А. Шарова ставит актуальный вопрос: нам нужно и такое планирование, которое будет учитывать уровень образования и подготовку рабочего резерва через 3—7 лет.

Л. Ананин, секретарь ЦК ЛКСМ Латвии, остановился именно на этой мысли. Он говорил о том, что характерно для молодежи сегодня имеет большое будущее завтра. Вот пример. В исследовавшемся коллективе 16,7 процента работников, получающих образование без отрыва от производства, свыше 10 процентов имеют должность техника или служащего, 18,6 процента освоили смежные профессии, а 9,3 percent на более высокой квалификации работу.

Видно, когда речь идет о планах технического развития, то, думая о молодежи, в них нужно предусматривать коллективные формы повышения квалификации и разработку научных методов наиболее целесообразно расстояния и продвижения кадров.

При этом нужно учитывать, что сознательность людей в отношении к труду растет. Социолог В. Турченко из Новосибирска сообщил также факты: за год по 120 обследованных предприятий количество работников, самостоятельно контролирующее производство, возросло от 0 до 2 тысяч. Широное распространение получили наряду с субботниками и другие формы коммунистического труда — работа в ОКБ, бригадирство на общественных началах, бесплатное обучение учеников.

В так что речь должна идти уже именно о правильном использовании способностей и возможностей людей.

Молодые поколение — отмечает социолог из Саратова К. Иванова, — отличается эмоциональностью, импульсностью, быстрой восприимчивостью и легкой равнодушием.

В связи с этим особенно тактично применять систему моральных стимулов к труду.

Смоленский ученый В. Дзюбалов

высказывает интересные соображения о целом комплексе воспитательно-трудовых форм. Конкретно-социологические исследования на предприятиях Ленинграда и Смоленска показали, что наиболее эффективны коллективные формы организации и оплаты труда: работа по одному наряду, работа сквозными бригадами и т. д. Здесь выше организованность, чувство ответственности, товарищества. Правильно становится помощь не тогда, когда просят, а «когда вижу, что надо помочь».

Личный пример и общественное мнение — это тоже мощные источники трудового воспитания. Сила коллективного доверия, соревнования, традиции, атмосфера дружелюбия, принципиальной критики и самокритики — это социально-психологические рычаги воспитания.

«Решение собрания, осуждение товарищей», «вывод на круг» — все эти общественные меры воспитывают часто лучше административных. То же можно сказать о мерах поощрения: «портрет на доске почета», «вручение премии в торжественной обстановке» и т. д.

Все это можно применять и к ювоним молодежи на стройках, где, впрочем, есть и своя специфика.

Комсомольские ударные стройки обладают громадным потенциалом. Но реализовать этот потенциал не просто. Надо сформировать коллектив из различных людей, различных национальностей, сходящихся на стройку, привлечь с учетом всех специфических особенностей коллектива. Интересны соображения секретаря Иркутского обкома комсомола Г. Кузнецова о том, почему комсомольскую стройку можно считать «лабораторией передовых приемов комсомольской работы».

Призывают на стройку люди в возрасте 20—30 лет, 70—80 процентов. Из общеобразовательный уровень довольно высок, общественная активность тоже высокая. Но большинство приезжающих не имеет необходимой профессиональной подготовки. И поэтому ритм стройки должен заставить учиться, совершенствовать свое мастерство.

Труд на ударных стройках — это продолжение подвига молодежи Магнитки, Кузбасса, Комсомольска-на-Амуре. Это школа не только трудового, но и политического опыта. Здесь молодежь творчески растет, здесь получает возможность активного участия в управлении производством, развивает свою самостоятельность, инициативность. Г. Кузнецов отмечает, что комсомольской организации ударной стройки пора предоставлять более широкие права в решении вопросов труда, учебы, быта молодежи. Это касается и ударных строив. Такой опыт уже есть. На строительстве Киевской ГЭС, например, с момента высадки первого десанта

прием на работу решался только через штаб, в котором каждого новичка знакомили с особенностями работы на стройке и традициями.

На Украине, по свидетельству социологов, большое внимание обращено на подбор воспитателя, особенно бригадиров. Они должны быть политически и нравственно устойчивыми людьми. Это также один из методов борьбы с текучкой.

У отрицательных случаев в трудовой дисциплине, которым тоже интересны ученые, есть конкретные истоки. В. Яковлев отмечает, что 53 процента опрошенных им молодых людей считают, что на появлению отрицательных качеств влияет культура мастеров, их деловые качества.

Разумеется, не только это сказывается на дисциплине молодежи. Плохая организация труда, штурмовщина, нарушение технологического режима и сами условия труда (захламленность, шум и т. п.) — все это тоже действует на формирование отношения к труду, порождая новосибирский социолог Н. Филатов. Характерно, что в среднем 15 процентов рабочего времени, рабочие нарушают трудовую дисциплину в 2—3 раза чаще.

Воспитательная работа на сегодняшнем уровне уже не подпадает «под» завал. Она нуждается именно в научном осмыслении и подходе. А. Крухмалев ставит вопрос о неиспользованной активности «старшей» молодежи. О тех, кому 20—28 лет. Порой в комсомольской работе они как бы уходят на второй план. А ведь это активный возраст! Более того, это люди уже с определенными жизненными трудовыми опытами. Но случается, что порой они сами себя считают «старыми» для комсомола. Им надо дать убедиться в том, что это не более чем заблуждение.

В воспитании активного отношения к сфере своего труда, в выработке подлинно хозяйского чувства немалую роль играет экономическая учеба.

Спирася на опыт работы комсомольских организаций предприятий и строив химии Поволжья, А. Раков из Саратова рассматривает ее как важный элемент в идейном воспитании молодежи. Он считает, что «подсказки цехов хозяйственных» экономической учебы с 5 тысяч до 120—140 тысяч говорит об усилении интереса к проблемам экономической реформы.

Вместе с тем социолог подчеркивает необходимость конкретных мер: инициативы, организации, заключению коллективных договоров, активизирование работы советов молодых специалистов. От этого ярче разгорится пламя инициативы, окрепнет чувство ответственности за общее дело.

Идейные, гражданские зрелые люди сознательно относятся к труду, актив-

но участвуют в управлении производством. Интересные факты приводит ученый А. Гордейчук с Дальнего Востока. Он сказал, что за один только год количество рабочих в постоянной действующей совещаниях возросло более чем на 106 тысяч человек. Однако молодежи тут не всегда впереди.

На заводе «Дальдизель» — 88 процентов молодых рабочих, а на «Энергомаше» — 83 не входят в состав самостоятельных коллективов и творческих объединений. Комсомольские организации этих заводов ссылаются на добровольность участия. Но она не тождественна самотеку. При обследовании выяснилось: один из основных видов полной адаптации к условиям «неприглашаемых», третьи вели речь о плохих бытовых условиях, четвертые обихаживали на сложность выполнения задания. Разве тут не требуется помощь комсомольских активистов? Но вместе с тем не снимается с повестки дня вопрос о самодисциплине, об ответственности человека перед самим собой.

Редакция «Смеши» организовала в свое время на страницах журнала дискуссии, начатую статью «Есть ли кощась быть коммунистом? — Будь ма!» Эта дискуссия вызвала поток писем. Некоторые молодые люди писали, что не умеют справиться со своим свободным временем, сплунуть, томятся, чувствуют разочарование. А в труде они показывают себя неплохо...

Проблема духовного развития личности молодого рабочего, воспитания его эстетических вкусов социологами было уделено немало места.

— Техника, технология, — говорит свердловский ученый Л. Коган, — формирует среду, с которой сталкивается человек, и тогда становится ясно, сколь важен для него моральный стимул. В это понятие входят много: идейно-политический стимул, эстетический, социальный (связанный с труду), научно-творческий, эстетический и, наконец, моральный (такой стимул, как соревнование). Другими словами, социологи стремятся конкретизировать именно то, что основа воспитания человека — труд.

Известно высказывание В. И. Ленина, что сознательный рабочий чувствует себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны. Именно к воспитанию такого отношения и сводятся старания ученых, старших товарищей работников, ведущих товарищеские встречи в цеху.

Труд — это сущность жизни. Воспитание нового человека в труде является такой же закономерностью, как создание материально-технической базы коммунизма. Воспитание нового человека, его нравственных качеств требует, по словам В. И. Ленина, «всесторонней слесарной и заводской школы». Это значит: перед комсомолом распахнуты необятные горизонты прекрасной работы.

Со стр. 1 1917 года в статье «Один из коренных вопросов революции»...
— Либо разог Советов и бесславная смерть их, либо же вступление Советов в историю. В начале июня 1917 года) и история июля и августа подтвердила правоту Ленина и его сислывавшего «Альтернатива»...
...марта 1922 года на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металургов. Ленин сообщает:

«Революционеру надо иметь горячее сердце и холодную голову»

Черновосетная печать обещано транить Ленина и обещивание. Т. И. Ленин приехал в Ленинград. Владимир Ильич отмечает тщетные попытки опорочить его политическую позицию...
— Из «Нового Времени» от 6 июня:
«Почему Ленин не оставляет пролетариату отсюда отчаянную борьбу и диктует марionеткам российскую демократию? И почему Ленин не оставляет пролетариату возможность высказаться? И очевидно становится, что здесь сила не в самом Ленине, а в значительности точки и пути нашей анархии и безумия».

Отсюда черновосеткам Ленин пишет:
«Анархизмский мы называем поучением капиталистам сицилианский прибыл на поставках...»

Президиум Первого съезда Советов запрещает демонстрацию рабочих и солдат Петрограда, назначив большевикам на 10 июня. В ночь с 9 на 10 июня Ленин выступает на заседании большевистской фракции съезда. Участник заседания делится впечатлениями с товарищами. Ариадий Соколин — восстановил по своим запискам и воспоминаниям ряд положений деловой речи Ленина перед съездом пролетарской революции большевизму. Им и руководителем Ленин, предельно откровенно делится своими записками и мемуарами предельно таким запискам:

«...как в день Владимир Ильич касался моего выступления, и кое-что в записках, кое-что в памяти сохранилось и сейчас, но не полностью. Но последнее, из которого основной смысл и содержание этой речи. Я не хочу ни в коем случае делиться с товарищами в речи и постараться передать. Записки гласят: «Выступаясь здесь наш молодой товарищ...»

«Я отстаивал принципиальный отказ...»

В середине июля меньшевистско-эсерские делегаты съезда Советов и лидеры Исполнительного комитета Петроградского Совета пытаются запретить политические демонстрации трудящихся столицы. Ленин предупреждает: «Принципально»...
«Ленин спрашивают о причине моего отсутствия на чрезвычайном собрании Исполнительного Комитета», президиума съезда и бюро фракции. Он отвечает: «Я не могу присутствовать на официальном акте большевиков участвовать в этом собрании, и в отношении его не могу иметь никакого влияния: ни в каких собраниях по таким вопросам (задержание манифестации) не участвую. Это большевистское, антипартийное собрание...»

на протекторскую революцию мелкобуржуазным возмущением, олицетворяющим революцию...
«Разговор с богатым инженером незаслужено доносился...»

«Готов бы признать социальную революцию, если бы история показала, что и ей так же много сполноно, гладко и аккурратно, как подходить и stanceи немецкой курьерской поезде. Чувствительный отряжает деловые вагоны...»

«Но контрреволюционеры совсем не устраивают и таксо «грабни диктатора» революции. Они откровенно говорят об убийстве Ленина, Видят в нем своего главного врага...»

«Скажите мне, собственно, по какому делу вы пожаловали к нам в квартиру? На нашего разговора...»

«Моряк Балтийского флота»

Конек июля 1917 год... Владимир Ильич крайне переступает. Товарищи восторженно просят его...
«Знаю потребность Владимира Ильича иногда оставаться в одиночестве...»

«В первый же вечер, когда выступила финляндская предвечная тишина, Ленин задумался, ушел в свои...»

«Конечно, Владимир Ильич, конечно, раз вы этого хотите...»

«Ленин ходил гулять к большому озеру, от которого так близко Вонг-Вруевича...»

«Этот моряк Балтийского флота, родственник мой...»

Бригада строителей-высотников
Генерала Абсадулбея:
«50-летие ОКТЯБРЯ ОБЪЕЗЖАЕМ...»

Г. ВОЦИН
Фото А. ЛЕХМУСА

не сказали двоинеросые ларни, что над морем видны чайку. Точно прочелась над мной водой и исчезла. Момент, переизмеренный голуб?»

В ответ на шутку ребята обидно замолчали. Чайк и не видел. Но стриней над лотинкой летают множество. По-моему, для них Красноросное море такое же чудно, как и для людей, созданных его. Знаете, есть такая народная примета: если стрини летают высоко — и всякой погоды, низко над землей — и дождю.

На Красноросной ГЭС предсказывает погоду по стриням и туман — беломорское дело. И стрини здесь ни при чем. Они бы и рады выполнять полюбленную им роль нивных барометров, да платона сбывает как с туману. Летают, летают над самым морем, а переключат через бетонную стену, и земной воздух метается гдето далеко внизу.

На этой стрининной высоте и работает бригада Гены Абсадулбея. Единственным на стройке бригады специального назначения. Прямиком с горы залетает стая молодых графиня, никаких носков смен — только денег. И только свои часы. Не больше. Да если ребята сами залетают, остаются «вечером», их прогонят из котлована до моря.

Почему, Геня? Смена кончается — руни устанут. А в нашем деле мучна вся смена человека. Иначе — беда.

Их работа — вечный риск. В обеденный перерыв а просмотрит унікальный журнал — гартенчье особо опасное работ, зарплата считается; а) установка опалубочных чашок на высоте более 15 метров при ветре свыше метров в секунду; б) установка опалубочных чашек и подвесных лесов на высоте более

Помучит река-богатырь, угрожа лапюгие. Вот и все... Опасность миновала. Г. Абсадулбея, А. Свиринов, Р. Шумский, И. Христовоб, А. Гренчалый возвращаются со смены.

ОСТАНОВЛЕН ЕНЦЕФ

*Геннадий
Абсандульев — «высотный»
бригадир.*

Идет монтаж турбинного зала.

Сварочные агрегаты опробованы.

*Водоводы к турбинам — пусковые
объекты.*

*Оператор Галина Потылицына следит за
«пульсом» бетона.*

20 метров; а) все работы, выполняемые с «эстажером», Люлем и с монтажным поясом; г) работы, выполняемые вблизи донных отверстий.

Каждое утро ребята ставят свои автографы в журнале (это значит: помню, буду внимательным) и лезут на такую высоту, куда стражи залетают только в очень ясную погоду.

Отчаянные парни в бригаде Абсандульева. Познакомился я с ними в горячие дни неомедленно стремительного наступления моря. Что это было? Говорят, ливневый паводок. Гидрологи не предсказывали его. Наоборот, все прогнозы утверждали, что воды в Енисее будет чуть-чуть, нан в самые мало-водные годы. Что нужно задерживать каждую каплю за плотиной, в верхнем бьефе: в ноябре — пуск, а не будет паводка — не закрутятся турбины. Воду старательно копили, закрыв половину донных отверстий — тех самых, возле которых описно работать. Вешеными потоками Енисей пролетал под эстакадой для самосвалов, под утием пешеходным металлическим мостином и, ударившись в плиту водобой, взрывался зарывами беспосевенных брызг.

Описать эту картину трудно, оправдать одним словом невозможно. Это не водопад и не гейзер. Скорее мощная гидротурбина. Только каждое изерло этой бетонной батареи — пять метров в полноречье.

Когда водохранилище стало быстро набухать, подняли последние четыре затвора. Но

море продолжало стремительно подниматься. Начали готовиться к тому, чтобы сбросить килограмм через верх, по временному водоспаду. Бригаду Абсанудильева послали очищать бетонный марши над донными отверстиями. Сюда дождем был извергнуты водопад, если бы море перелезло через верховую гряду плотин.

Парня в местных брезентовых робах, в ярко-оранжевых защитных касках спустились по крутой металлической ступени на марши. Он тиснет от левого берега до скрепящих рева. Бетон дрожит под ногами, как палуба корабля. В глубину стены рядом с донными отверстиями уходят галереи, через которые ветра достигнет ураганной силы — тридцати метров в секунду. Чуть отступилась, и шквир заручит тебя, собьют с ног, швырнет в подвешенный. Остатки не жалки. Ни вправо, ни влево.

Работа трудная — сорвать ребристые центы опалубки с бетонного бона плотин. Частый трясотас с мерой катер, зацепил трясотас за угол цента и дернул — помял деревянную громадину не заручотом вниз. Здесь дернуть нечего, кроме собственных рук. Вернее, одной руки; вторая нужна, чтобы держаться за камень, к которому пристегнут карабин пояса.

В прошлом году вот там же сдвинул опалубку с отвесной стены плотин со стороны моря. Был тогда в бригаде новичок Василий Кривошолобов. Только что из армии, десантник. Крепкий, сильный парень, уверенный в себе. На секунду выскочил из руки трос и сорвался с пятидесятиметровой высоты. Погиб. Затонуло течением.

И сейчас работа такая же трудная и опасная. В бригаде только добровольцы. — Намного из ребят Геня знает несколько лет по работе на стройке. Спрашивал только тех, а ком был уверен. Напрямая, Ваню Зибарева.

— Подынь на особо опасную? Ну, конечно, какой разведать. Так ответил и Саша Смирнов, прозванный «академиком» за то, что упорно хочет получить аттестат, хотя окончил еще только восьмой класс вечерней школы, и Богатырь Ваня Метинич, Стройщик Братскую ГЭС, и Ренки Шуванский, и брат погибшего Васи Христолюбова Иван, и все остальные.

Медицинская комиссия предпринимает исследование здоровья каждого. Снороват реаниматор проверяет, работу вестибулярного аппарата. Как у носокатов. Только после этого бригада стала бригадой.

— В общем-то, мы обыкновенные высотники, — говорит Геня. — Только и пять метров там высота, а нас сто метров надо. Плотина вся перелетает лестницами. Крутыми деревянными или железными «маршами», поточными металлическими ступенями. Укладываются новый ярус бетона, и марши укладывают на двадцать метров. У той, что ведет вверх около левого берега, 358 ступеней. Без перерыва и не осилишь. Высотники бегают без остановки.

— То, что ребята за днином рублем не тянут, хотя все знают, у всех семья, и спонсор убавился сам. Во-первых, сколько я ни был в бригаде, никогда не слышал разговора о деньгах. Во-вторых, отчисления и чья-либо проявление в дни выдачи зарплаты. Бригады привнес в наши деловые и верность в бригаду, кландет на стену и уходит. Каждый отчитывает, сколько ему положено, расписываются. Все это спонсору, давольно, и

с уважением. Не и получи, а к себе. Нечего и говорить, что ни разу не пропало ни копейки. Намного полемская работа выигрывает Насира. Это кландет на общественных началах. Его обязанность — занимать очередь в ступени и получать на всю бригаду обед. Делается это для экономии времени и особенно оправдало себя в те трудовые годы стройки дни.

Люди были отчаянно смелыми со стипендий. Нужно было за десять суток сделать гребень на пять метров, чтобы убраться от наступающего моря. Монтанничи, сгнали красноватые ружьями, устанавливали на самом верху многоэтажные арматурные марши «бычюва». На соседних секциях бетонщики быстро ставили опалубку и трамбовали арматурными бочками в тумбах. Одни за другими в пазы опускались тяжелые плиты заставок второго яруса. Это рабочая высота — «бычюва». На соседних секциях бетонщики быстро ставили опалубку и трамбовали арматурными бочками в тумбах. Одни за другими в пазы опускались тяжелые плиты заставок второго яруса. Это рабочая высота — «бычюва». На соседних секциях бетонщики быстро ставили опалубку и трамбовали арматурными бочками в тумбах. Одни за другими в пазы опускались тяжелые плиты заставок второго яруса. Это рабочая высота — «бычюва».

Рюкоть, лась металла, травяные сирени. Тесно, в несколько этажей, стоят башенные ярусы: на дне котлована, на останке, на бетонном выступе, который тянется вдоль плотин. Там мы, ярусами, стоим бригадыми бочками. Отдыхать с узлами на окованном, большие и маленькие. Единственное, что роится их, — красивые планшеты на стенах: «Бригада А. Петухова», «Бригада И. Родченка», «Бригада А. Парджинина». Это знаменитые на стройке бригады, прославившиеся рекордами укладки бетона, победами в соревнованиях. Памяты бригад буквально провозглашают гордость людей за своего вождя, бригадира. Вот, мого, с кем мы наем.

И мне показались, что я нашел разгадку многовального, комбинированного подвиза ребят из бригады Абсанудильева. Ведь Геня такой человек, с которым приятно работать: расное, веселый, быстрый, удачный. Ему только 28 лет, он долго оставался ярывым плотником — был одним из немногих, кто не боялся говорить самую неприятную правду любому рагу руководителю, и даже Андрию Ефимовичу Бочкову, начальнику стройки, за то, что он бьет рабочих, об их питательной путине. Заставил, чтобы ярус аттест, освоил специальности арматурщика, сварщика, бетонщика. С таким и впервые разделился с плотиной, заставил ярус аттест этии будешь.

Мне всегда легко требует, чтоб учились, чтоб в семье порядки бы, чтоб работала каждый в полную силу. Да, тем же у них ни одного прогуса, у них — коллектив, дружба.

Через отъездом из Дниногорска я еще раз пришел на плотину — туда, где работает спецбригада. Вспомнил, как маршировали по лес и веревке, висит на крутом бетонном склоне, идуя сверху вниз, к месту, где ставили и опалубку. Вспомнил, как вась ярусую струюкуют веревку. Над гоннами высотников ососотилась плотины, и чья-либо проявление в дни выдачи зарплаты. Бригады привнес в наши деловые и верность в бригаду, кландет на стену и уходит. Каждый отчитывает, сколько ему положено, расписываются. Все это спонсору, даволю, и

Красавица ГЭС и
холодй бороз — Плав-
ногорск... Красно-
горские гидростро-
ители стали инициа-
торами почва
«Милую революци-
ю — подарил мого-
лодыж». Они реши-
ли пустить в мир астре-
та крупнейшей в
мире станицы и 60-
летнюю Великую Ок-
тября. Плотина под-
нимается на 124 мет-
ра. Мощица каждо-
го из 12 агрегатов
Красногорской ГЭС
равна мощица
восьми Волжских
электростанций.

— Да какая же я барыня! Прощай, Дорогой друг!.

Угрозы градоначальника барона Рейбота не оставили себя долго ждать. В ночь перед похоронами Николая Павловича ко мне на квартиру прибыл унылый отряд жандармерии охранника. Вес дождя был бурливо звернуть наконяну. Обьск шел всю ночь.

Полиция усиленно искала вещественных доказательств, чтобы обвинить нас в поджогах рабочих беспорядков и запретить затворение похорон. Мы следили за каждым движением агентов царской охранки: они могли незаметно подобраться фразой «разговаривать с вами».

Лишь под утро, озлобленные своей неудачей, оставили нас на время в покои. И мы тут же поспешили на похороны брата...»

Евг. АНДРИКАНИС

Николай Павлович Шмит

ХОЗЯИН «ЧЕРТОВА ГНЕЗДА»

ПРЕДСТАВИМ СЕБЕ 1907 ГОД. Записанная снегом Москва. Ночь. Февральская выгода...

...и не была убеждена, — писала в своих воспоминаниях Екатерина Павловна Шмит, — в том, что полиция перевезет покойного брата именно в особняк моего дяди Алексея Вилухова Морозова на Покровке, во Введенском переулке.

Было вполне возможно, что тело заерски убитого в царской тюрьме Николая Павловича Шмита могут похитить уезжие худники-буда за пределы города. Охранка и полиция побоялись массовых демонстраций, которые были при похоронах Николая Эрнестовича Баумана.

Постому и надела извозчика и ночью ждала у ворот клиники на Новодевичьем поле. Стоит ли здесь писать о тех слезах, которые سقطствовали дождиком, бесконечным для меня насам ожидания в синих?

Кругом было мрачно, безлюдно, и мне было как-то особенно холодно. Я вся дрожала, вероятно, от волнения за судьбу похорон брата. Горь и торжественно разрывали сердце. Угнетательная нежность моего подавляла. Невольно раз из мглы снежной выгоды появлялся ненавистный переродный озвончик и с мягкой подозрительностью оглаждал меня. Я поняла, что и здесь за мной следят.

И вот наконец поздно ночью подехала мрачная, низкая фура военного образца. Ее сопровождал сильный конный отряд. Все происходило в жуткой, опротивевшей смертельной тишине. Гроб Николая Павловича как-то быстро вынесли, сузили в отверстие фуры и с грохотом захлопнули дверку.

Жандармы повелись всахн среди темных и пустынных улиц Москвы.

Мой извозчик еле поспевал за нами. Я умоляла его не отставать, каждую минуту увеличивая сумму денег, которую он получит, куда бы мы ни приехали...

Приходилось держаться на некотором расстоянии, чтобы не обратить на себя внимание конвоис. Он мог нас задержать, и тогда пропала бы возможность следовать за маршрутом фуры. Было жутко.

Иногда сквозь слезы мне казалось, что жандармам удалось спрятаться от нас. Тогда я снова умоляла извозчика ехать быстрее. Он забоянно успокаивал меня и клалась всеми святыням, что все время видит коротек.

Так, ночью, в темноте, среди выгоды ужасной ночи был момент расклаты покойного брата с одного конца Москвы на другой, с Новодевичьего поля на Покровку.

Я несколько вздохнула лишь тогда, когда наконец мрачная фура, окруженная эскортом жандармов с шашками наголо, выехала во двор морозовского особняка во Введенском переулке.

Единственной светлой минутой этой ужасной ночи был момент расклаты с моим извозчиком. Он сказал, что догадается, кто я такая, выйдя у клиники, когда за мной следил охранник, и знал, за кем мы гнались...

Святой человек был господин Шмит, он умер за народное дело. Сегодня я тоже послужил этому делу. За такое деньги не беру!

Со слезами на глазах я объяла этого хорошего человека. Из-под извозничьей шапки было видно его простое, доброе крестьянское лицо.

— Что вы, барыня!.. — смущенно сказал он. — А завтра на похороны я приду обязательно.

16 февраля 1907 года утром состоялся похороны Николая Шмита на Преображенском старообрядческом кладбище. Несмотря на сильное наряды полиции, похороны вылились во внушительную по своим размерам политическую демонстрацию рабочих и московских студентов. В этот день в память о Николае Павловиче была объявлена забастовка рабочих всех деревообделочных предприятий Москвы. Занятия в Московском университете также не было.

На крышке гроба лежал большой букет из красных роз, на ленте которого была надписана «Дорогому товарищу от товарищей-бульварцев». За гробом двигалась огромная масса людей. Это напоминало героические дни Краснопереяславского восстания. Весь долгий траурный путь от Введенского переулка на Покровке до Преображенской заставы рабочие фабрики Шмита и студенты предприятий Москвы, а также студенты Московского университета несли гроб Николая Павловича на руках. Конные жандармы с шашками наголо ехали впереди и по боям похоронной процессии. Здесь же находился помощник градоначальника в форме всевысокого офицера царской охранки.

Рабочие тихо, без слов вели революционный похоронный марш. Казалось, что гигантский оркестр сопровождал шествие.

Вы жертвою пали в борьбе революционной
Душой беззаветной к идее! — Наступает пора — и проснется великий, могучий, свободный! народ.

Кем же был Николай Павлович Шмит, которого так торжественно и почетно хоронили деревообделочники Москвы и все московское студенчество?

В своих «Воспоминаниях о Ленине» Надежда Константиновна Крупская писала:

«В это время большевики получили прочную материальную базу. Девятилетним Николаем Павловичем Шмит, племянником Морозова, владельцем мебельной фабрики в Москве на Пресне, в 1905 г. целиком перешел на сторону рабочих и стал большевиком. Он давал деньги на «Новую Жизнь», на вооружение, сблизился с рабочими, став их близким другом. Полиция называла фабрику Шмита «чертовым гнездом». Во время Московского восстания эта фабрика сыграла крупную роль. Николай Павлович был арестован, его освободили в тюрьме, возили смотреть, что сделали с его фабрикой, возили смотреть убитых рабочих, потом его зарезали в тюрьме. Перед смертью он сумел передать на волю, что заещает свое имущество большевикам».

Так студент-экономист, будущий директор Московского университета, наследник опласскаща двора его императорского вельчества? мебельного фабриканта П. А. Шмита, один из наиболее видных, талантливейших участников вооруженного восстания на Пресне.

Он превратил свою фабрику в «крепость большевизма». Она была окружена баррикадами и колочей проволочкой. Впереди, на Горбатовом мосту, были воздвигнуты две мощные баррикады, над которыми развевалось красное знамя.

По воспоминаниям современников, Шмитовская боевая дружина была самой сильной, самой организованной и сплоченной большевистской. Ее возглавлял легендарный фиделитовский спесарь с крестера «Очково», большевик с 1903 года — Михаил Степанович Николаев. Дружина эта была хорошо вооружена Николаем Павловичем Шмитом, который в свое время с М. С. Николаевичем был тесно связан с Московским комитетом партии.

Хозяин «чертова гнезда» участвовал в баррикадных боях, одним из первых он ворвался на Зай-Полосинский участок на Малой Грузинской улице, вместе с дружинниками обезоружил жандармов, захватил все документы, в том числе деньги на революционную работу.

На Пресне начались ожесточенные бои. «Чертовое гнездо» — фабрику Шмита, авангардную позицию пресненцев — невозможно взять с боя, решили маршировать туда по трусам польскимися донесениям, там были даже пушки. Три бешеных атаки семеновца, возглавлявшего полковником Г. Миним, были отбиты дружинниками на баррикаде на Горбатовом мосту.

В тулы баррикад Горбатового моста гигантским костром горели трех- и четырехэтажные корпуса фабрики Шмита и соседней, на углу Николая Павловича. Дружинники не сдавались. Во второй, более близкой к шмитовской фабрике барикаде все так же развевался красный флаг, священный рабочим дзигроновского цеха. Флаг, изреченный пулями, был виден из всех пунктов Пресни. Первая баррикада у начала Горбатового моста была разгромлена артиллерией, вторая была прямой наводкой со стороны Девятинского переулка.

Дружинники шмитовской фабрики перешли за вторую баррикаду на склоне Николая Павловича у Покровского и Горбатового моста. Под командованием Михаила Степановича Николаева и его заместителя Ивана Васильевича Колосовича они проявили неслабый героизм.

В жесточайший мороз они стояли в холодной воде (снежные сугробы расставали от пожара), стреляя по врагу.

От дыма было темно, как ночью. Люди задымались. Многоэтажные строения с грохотом падали на землю. Шмитовцы знали, что отступать им некуда: позади Пресня и их фабрика! Пресненцы, на Покровке, на Пресне, именами Николая Павловича назван Шмитовский проезд. А на месте фабрики, уничтоженной царской артиллерией, разбит детский парк.

1 Ныне Мост имени 1905 года.
2 Ныне Дружинниковская улица.

ГИГАНТ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

«Деревня Монастырка, Мельницы, Колодцы, Серый беспорядок деревенских конур, амбаров, ворот, гнило выгнувшихся вдоль озер южной глины. Огороды, свояречники в две комнаты и самовар — это и есть предел мечтаний обитателей старой деревни.» Так описывалась в газетах 1929 года место под Нижним Новгородом, где решено было построить гигант Советской индустрии — автомобильный завод.

В стране в то время почти не осталось автомобилей. Их не хватало даже для стройки. И пока заводились моторы, маленький завод в Нижнем Новгороде выпускал машины, собранные из деталей, поставленных Фордом.

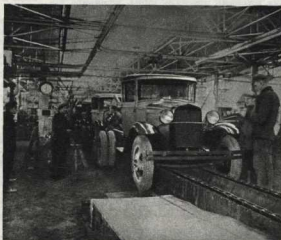
2 мая 1930 года был заложен первый кирпич Автострой. А эту смикой отнесится и к началу 1931-го. На месте Монастырки встали моторы автогиганта. Строительство ведется невиданно быстрым темпом. Каркас громадного — 56 метров в длину и 100 метров в ширину — механосборочного цеха был установлен за 43 дня. Специалисты из Соединенных Штатов, работавшие на стройке, признавались, что таких темпов Америка не знала. Нижегородский гигант вырос всего за 17 месяцев!

Украина, Грузия, Узбекистан прислали в Нижний своих полпредов. Бригады малоработных, необученных рабочих показывали чудеса трудового героизма. Автострой вырастил и Александра Бусыгина, впоследствии знаменитого на весь Советский Союз инициатора рационализаторства, одионоссца, одного из значительнейших сталежниковского движения.

Первые автомобили сошли с конвейера автозавода в начале 1932 года. Колодцы грузовиков «ГАЗ-А», легковых машин «ГАЗ-АА» по дорогам страны. Рабочие Горьковского завода трудились в несомно смей.

И вот первый юбилей автозавода. В Москву прибыла машина с номером «100 000» на радиаторе. Этот автомобиль горьковские рабочие прислали в подарок народному комиссару тяжелой промышленности Г. Орджоникидзе.

Фото А. ШАЙХЕТА и из фондов Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР

РАССКАЗ

Лед упили из-под него, как пронзает под ногтями твердь в момент приезда из самолета. Там, жарко, совершается переход из бытия в бытие. Внезапно, мгновенно и бесспоротно.

Только что он бежал. Грустно. Задыхался. Шлепал по льду тазовыми шаровыми сапогами. И вдруг провали в черную жгучую бездну. Он еще не понял, что падает, как вдруг ощутил оглушающей болью ожог. Снизу вымыла черная, густая, как деготь, жаркая, как пламя, лава. Она кланялась ступице икра, опарывала колени и бедра, резнула по носовике.

Словно акула пасть зубами-сосунами изрылась нестерпимой болью в каждой дюйм его дрожащего тела.

Он едва сдержал крик. Бойсь испуга, удивленного возмущения и смертного ужаса.

А кричать нельзя.

Впереди тяжело топали по льду в мутных потных дурных, пошлах вскапывали в жесткую осыпавшую во иже немецкие ракеты. Пулеметы на берегу могут ударить цветными трассами в спину бегущим диверсантам. Он уже не раз видел, как это бывает. Как насквозь прошивают трассеры безутрач, как горят вата в простреленных релотрейках.

Ледяная вода влинула черным пламенем по раскрытому, воспаленному рту. Судорогой сжал горло и грудь. И он неожиданно для самого себя выдохнул:

— Мама!

Почему «Мама»? Ведь он совсем не думал о ней, голубоглазой и золотоволосой, улыбчивой и такой ненадежной. Такой притягательной и ненавистной. Ведь он вот уже неделю, как обещал себе не думать, совсем не думать о ней, о своем «Глубоком подсолнухе»...

Отлежавшаяся, задыхалась, он бешено заработал, выталкивая себя из воды встречей крошки льда. Край льда обмякся, в кровь раздирая пальцы, колыхался, трещал, уходил под воду. Черная огненно-ледяная ворона жадно засасывала Диего. Все в нем вышло и ярчало. А сам он сцепил зубы, закусил до крови губы.

Кричать нельзя.

Пар дыхания вдруг чуть замерцал. Это опять всоснула плавни ракета. Вода обожгла нос, глаза, лоб. Диего замарукал, выгравилась голова, снова угнался скучно белесую вперед зубастую закранку. Он рванулся вперед, бурно дыша, отчаянно болтая ногами в прозорливо черной бездне, и почувствовал, уже и внутренние ледяные, как сразу же замерзают, твердеет, застыла, морю релотрейки и брони.

На гала брызнули горячие слезы. Она растянула корку льда на ресницах. Но точно огненный обруч сжал лоб.

Только не задыхаться!

Снова ухватился он за край льда. За край жизни. Он рвал ему пальцы и руки, этот край, обжигал, обдавал и тут же кропился, таил в опенелых пальцах, а судорожно сведенном гудеке.

Как долго горит плавни эта ракета на берегу! Страшно! Ведь ей положено гореть всего девять секунд!

Жгуче-ледяная вода сочилась сквозь ватные штаны и балкавое калдеюны, сквозь шинель, свитер, гимнастерку. Эта вода гасила в нем силы, волю и жизни, понятие о времени. Гасила, как гасит вода огонь. Вот уже сбито пламя, вот уже только тлеет огонь...

Его обугла выкола прежде не испытанная паника. Его захлестнула голый ужас. Он бешено и уже бестолково, с пагубной бессмысленностью, расстранивая эне последних сил, пылал пообача, хватался за край обманчивой ледяной тверди, а в воспаленном мозгу разгорался ослепительным пламенем малагаский поддень. Да, малагаский поддень, ласковый прибор Средиземного моря, белме ахты в бухте, море, такое тен-

лое, что под солнцем застывает оно клеянкой перламутрово-прозрачных медус...

А тут Тагарог. Его направил сюда потому, что здесь вроде теплее, на Азовском море. И в самом деле, бойди полбери на карте Советской России местечко южнее! Сейчас — в декабре сорок первого — самый южный флаг Южного фронта.

Мама... «Голубой подсолнух». Крутые голубые глаза и золотые кудряшки торчком. Когда он впервые увидел ее под Тагарогом в начале декабря, она зло посмеялась над ним:

— А, еще один «Кармен Бисо», музыка Чайковского! И у тебя напором! Какие вы, однако, все хлипки! Тореадор, смелее в бой!

Мама... Она была у них острой милосердия в особом диверсионном испанском отряде. Она лениво говорила по-испански: ведь ее красавице со второго курса Московского института иностранных языков, где она изучала испанский. Второй курс. Конечно, она даже не знала названия ривавола по-испански. Тем более название мая от оборотевеки.

Ох эта мама! Ох эти страшные морозы на самом юге Южного фронта! Юной, дико морской южной ночью русский полковник и Франиско Гунью водили их через льды Тагарогского залива. Они рвали, вылабывали во льду дуги, закладывали заряды на ножики на куски бананов желтых шашек тола по двести и четыреста граммов. Подрывному делу их учил русский полковник — в Испании его звали Богом диверсий, Нилье-тормоверцем. Русские боялись, что бомбы ударят через сковавшийся льдом залива, через это южное Азовское море, промерзшее на полметра, такое непохожее на его родное море у Малаги, теплое, как парное молоко.

Под утро они возвращались на базу, несся раненых. И никто не мерз так, как он, Диего. Ведь даже среди испанцев он был южанином. А как же — от Малаги рукой подать до Гибрал-

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

тара, до знойного африканского берега. Вот ему и досталось, мерзавцу, больше всех от Маши.

— Ой! Мерзавец! Торолор несчастный! Утри соли! Тоже мне Хабанера! Ах, ты не любишь, как я люблю...

А он застенчиво улыбался, краснел и спрашивал:

— Товарищ Маша! Прощу, пожалуйста! Что есть по-испански «соли»?

Когда ему объяснили, он вскипел, разъярился, смертельно обиделся.

А Марино Чико на Кузике стиснул его по-медвежьи и сказал:

— Брось скрежетать зубами, парень! У нас в Кузике тоже такими жешинами, чем больше жешилет, тем больше душка! А нос ты все-таки утри, не равводи сырости!

Но Диего никак не мог привыкнуть к облаку пара, который влился у него морозным утром в нос, рот, и моргательные мембраны замерзших глаз. Да, даже в Малаге мама звала его мерзавком! Даже на родине, такой прекрасной и теплой, такой теплой, такой сладостно жаркой, он боялся холода. И отцедрок утробой серой патерней ирландской пшени и обжарил все недостатком витамин и витамин в аэриалем буржуа.

Ночь за ночью вымолал они, испляны, на лед, нате через зыбля на ту сторону. Мимы «эм-едушки», славные с призрачной ослепленной ногой, ракеты над снегом, то серебряный, а то золотой и красивый снег. Туда и обратно — о малона! — сорокдет — сорокдетса километром! Тяжкие походы разве совершенны, за ночь без ружейных салов! Вот и сейчас его ждут там сами. Сами с очевидными темными шубами. Сами спят сами в торосах, всего в пяти километрах от этой прохлятой проруби!

Но почему, почему так долго горит на берегу эта немаяная ракета?

«Гунол! Гунол! Где ты! Ведь ты еще никогда не оставал друга в беде!»

Отот кряи замерзает в корне льда, уже облавленной губы.

Только не кричать. Кричать нельзя. Так всегда говорил всем Франсиско Гунол, уходя через Татарский залив.

А ночь по то что никак ночь. Ни курги, ни бурани. Только поезда слетит гонца. Снежит глаза. Но слезы все льются, все льются... Капли горячих слез и лед и ледяные воды всего Азовского моря...

Эх, если бы равные собрать все силы и выброситься на лед!

Он пробует расстегнуть поясную ремешку с дисками. Но ружья в густом ледяном корешке задушены, опомнели. Он уже не чувствует, как падает. Ружья — точно две кузими, два кровотоачащих обруча. И кровь ту же замерзает кристаллами красного льда...

Снежить саловы? Но в каждом по паре байковых портянок и по гаете... И ноги — ноги как бы уже сами по себе. Вернее, не больше ног...

А ракета поезда все горит. Все горит и не гаснет.

Пар от дымяния все жиге.

«Чико, Чико! Ты хотел стать священником, а стал летчиком. «Теперь я ближе и богуй!» — сказала ты мне, улыбаясь своей доброй, белокурой, беззаботной улыбкой. Помнюсь тебе, Чико. Это была такая холодная, что кажется крутым кипляком, Чико... Когда нам было холодно, Чико, ты рассказывал про ром с чаем — кубинский ром, пуэрто-риканский, ямайский, горячий ром Вирджинских островов...

Черная вода. Черное небо. И черный лед. А поезда — морозно-белая ракета. Как полярное сияние. Как вечернее озарение. Вчера вздрогнула Диего, глядя на облачку Маши: черт с Чиком, Чико, Белья! Где ты! Но кричать нельзя. Горит, горит ракета... Горит без конца. И пучина без дна...

А все же он, Диего, самый юный в отряде, отправив на тот свет десанта два фризия. Так выхолдит, если развалить на весь отряд число подорвавшихся на минах немцев. Этого уже никто не отгадает...

Малага! Малага! А потом Москва, Харьков. В

последие на берегу Татарского залива Франсиско Гунол скрегал:

— Камерадас! Мы будем двестирасти в тылу прохляты фашисты! Мы отомстим им за Теринку и за Мадри. Но не надо, чтобы они и франсиски мстили нашим родным, нашим любимым на родине. Поэтому русский полковник, наш боевой командир по партизанским походам в Испании, решил: нам надо называться ублюдками. Пусть все вокруг думают, что мы ублюдки!

А Маша встретила его, Диего, со смехом, когда он пришел к ней за гусиним жиром, чтобы смазать обморозенный нос.

«Чико» засмеялась она. — Ядям! Убед Диего пришел!

После этого и назвала его в отряде Убеком Диего. А он еще лучше невольбона «Машу с «Ростовляем», как он про-отпавшие грубовато-нежно малайш русский полковник. Сердился, гневался Убек Диего и просто не знал, куда деваться со своим разноцветным обморозенным носом.

И вот гнетет его в черной пельмине акуляная пасть. И все еще борясь за жизнь, все еще хватаясь за неуловимую крошку льда в расплывавшейся пучине, вспоминал он Малагу, Машу, последние три года в России, и снова Машу, и снова Машу в Испании, и все снова пропущую жизнь, такую короткую и длинную, такую скромно-незаврачную и такую опосаствательно-счастливую. И теплую...

Сколько раз он обжигался паром, изменялом от жары, загорал, нежился на солнце! А сейчас только морозный ледяной свет ракеты там поезда. Почему оно так долго не гаснет? Почему он так долго и мучительно барахтается в этой дырке? На дне его ждет покой, теплый покой...

Он медленно ушел с голоной под воду. И тут же вынырнул, изменялом, глотая ледяно-капоушский воздух поподлам с бурлящим ледлом в пельмине.

Можг еще прикамалас: «Дигай паллыми ног, дигай мышынами икр, дигайса! Борси! Дерси! Кричи! Ори!»

Но кричать нельзя. А внизу — вечный и теплый покой. Уже не больно рукам, не горят в ледском пламене ноги, не разламываются череп. Немет тело...

Вот тебе и озарение! Вот тебе и мечта, Убек Диего! Что же станется с тобой, что была тебе преданачена? Ведь она так никогда и не узнает, где, в какой пельмине, ледяной дырке, пучине, уютула ее мечты, счастье, любовь, непроизвольная...

Его заколотила такая сильная дрожь, что вокруг забурился вода.

Кряи распирал его леткно. Крячал уже не оп. Крячало его тело, умирало,са, ползумертвое, почти бесчувственное.

Но кряка не было. Только нузыри лопались над колеблющимися ледяными кровешком в пельмине. А вдаль угасала ракета.

Он очутился в жарко натопленной чаше. Над ним сидела Маша, Голубоглазая Маша. «Голубой» поподла. Как по русской ивонке — так и в золотом нимбе. И голубые-голубые глаза. Она размазывала слезы но кряво улыбающемуся лицу и говорила, говорила, эта русская малаица:

— И сразу заметила, что ты отстал от нас, провалилась, и вернулась к тебе! Попадом подкралас. Еле успела тебя за волоса ухватить. И тут же мне понюжи все ребята: Гаспар, Чико, Альберта, Мизанкович ты мой! Ты уже совсем захлебывался! Ребята тапили тебя на руках до салей, а там — вот картина была! — каждый силм с себя кто что: Франсиско шивель, а Эрера штапы!.. Ведь ты совсем, как старик, саделен! И потом тебе всего сего, как спуглом оттирали!

Убек Диего смотрел на Машу и шептал по-испански:

«Вот она та, что все время ходила около по болему свету!»

По-русски он спросил:

— Сразу? Но ведь я там продержался очень долго, чедя!

«Чудачок ты мой милый!» И на тебя все время оглядывалас. А тут немцы последнюю ракетку кудали. Отгадуглас я, а ты провалилась. И к тебе сразу. А ракета — ведь она всего девять секунд горит!..

*Вот он, представитель
нового поколения совет-
ских пилотов — Дми-
трий Бессараб, командир
сверхзвукового ракетно-
носца.*

ВСЕГДА НА СТАРТЕ

Фото Г. МАКАРОВА

Герой Советского Союза,
Маршал авиации
С. И. РУДЕНКО

В довоенные годы многие родители нарекали своих сыновей Валериями — в честь великого советского летчика Чкалова. Сейчас это имя — одно из самых распространенных среди мужчин 25—30 лет. Во всяком случае, у нас в авиации немало летчиков носит это звучное, красивое имя. А на будущей год впервые отправится в школу тысячи тезок военного летчика Юрия Гагарина, родоначальника героической семьи советских космонавтов.

Нет, это не дань кратковременной моде, а одно из многих проявлений всемерного уважения, любви, а бы даже сказал, преклонения перед советской авиацией и ее героями.

Почти пятьдесят лет назад, 28 октября 1917 года, Владимир Ильич Ленин отдал распоряжение о создании первого советского авиаотряда. Наша страна располагала тогда тремя сотнями старых, потрепанных самолетов иностранных марок, державшихся в воздухе, как говорится, на одном самолюбии летчиков. А 9 июля этого года в Москве состоялся грандиозный воздушный парад — смотр достижений советских авиаторов в юбилей 50-летия Великого Октября. Весь мир видел великолепные машины, которыми

оснащены наши Военно-Воздушные Силы, истребительная авиация ГВФ, авиация Военно-Морского Флота, Гражданский воздушный флот.

Между этими двумя событиями лежит пять десятилетий героической истории советского народа, в которых почетные места занимают штурм полюса, полеты в стратосферу, прорыв звукового барьера, вторжение в космос и, конечно, незабываемые подвиги летчиков в годы Великой Отечественной войны. Народ слагает легенды о Викторе Талалихине, Николае Гастелло, Марине Расковой и многих других героях, павших в борьбе с фашизмом. Небо нашей Родины надежно охраняют их молодые преемники, воспитанные на славных традициях советской авиации, а на смену старым боевым машинам

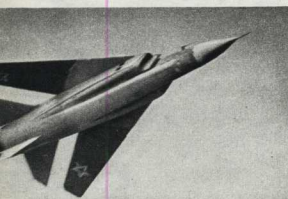
пришли новые — сверхзвуковые, реактивные, ракетоснабженные...

Сейчас все чаще говорят о своего рода революции в авиационном деле: ведь современные самолеты строятся на иной основе, чем несколько десятилетий назад. Правда, критерии, определяющие качества самолета — скорость, высота, грузоподъемность, — остались прежние, но подход к ним совершенно другой.

В годы войны самолеты могли летать на высоте 7—8 тысяч метров со скоростью 650—680 километров в час. Теперь же скорость 3 тысячи километров уже не является чем-то необычным так же, как и 30-километровая высота. Что же касается грузоподъемности, то здесь и сравнивать нечего. Достаточно вспомнить о гигантском АН-22в, легко под-

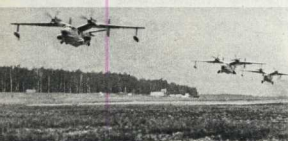
Самолет с вертикальным взлетом и посадкой. Иностранная пехота назвала его «воздушным фокусником».

Многоцелевой истребитель с изменяемым углом стреловидности крыла в полете. Самый легкий и первый в мире самолет такого типа.

Неутомимые труженики — вертолеты.

Противолодочные самолеты-амфибии.

Боевая техника воздушное а н т н ы х войск.

Взлетает истребитель-перехватчик с дополнительными и подвижными двигателями. →

нимающем многотонные ракетные комплексы.

И в то же время, как это ни парадоксально, слова популярного марша авиаторов «все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц...» нуждаются в весьма существенном уточнении: все выше и ...все ниже. Ведь чем ниже летит самолет, тем меньше его уязвимость от наземных средств противовоздушной обороны. Впрочем, последующие слова — «И в каждом пропеллере дышит...» — теперь тоже должны были бы выглядеть иначе, — какие уж тут пропеллеры, когда двигатели боевых машин — реактивные. К

тому же современный военный самолет буквально начинен всевозможными средствами радиоэлектроники и авионики, управляющими не только его движением, но и оружием.

Самолеты с вертикальным взлетом и посадкой, с изменяемой стрелевидностью крыла в полете стали неотъемлемой частью нашей современной авиации, располагающей всеми средствами и оружием, чтобы нанести удар по агрессору в любой точке земного шара. А каким будет завтрашний день? Думаем, что в недалеком будущем авиация станет сос

уществом. Осуществлена в авиации и давняя мечта создателей космических кораблей — летящие стартовые площадки. Уже существуют самолеты, с которых в воздухе стартуют другие машины.

Но как бы ни была совершенна боевая техника, решающая роль принадлежит людям авиации, их мастерству, выдержке, постоянной психологической готовности к подвигу. Сложился новый тип советского летчика — человека с высшим инженерным образованием, полифункционального хозяина сложнейших систем на межконтинентальных ракетоланцах, перахватчиках, истре

бителях — бомбардировщиках, унаследовавшего их мужество, отвагу, верность воинскому долгу.

Недавно закончились очередные приемные экзамены в летные и инженерно-технические училища. Как всегда, был очень высокий конкурс. Пожалуй, только в таких известных вузах, как МГУ или МВТУ, бывает нечто подобное. Ничего удивительного в этом нет. ВВС всегда были самым молодым родом войск. Каждый год авиация получает отличное пополнение — воспитанников Ленинского комсомола, давнего шефа Воздушного Флота.

Первый фестиваль молодой поэзии братских республик... Молдавская земля, напоенная солнцем, встречала поэтов шумом виноградников, буйным цветением садов. В первый же день фестивала, организованного ЦК ВЛКСМ, на встречу с поэтами пришел буквально весь Кишинев — рабочие, строители и даже целые студенческие отряды, которые прямо отсюда отправлялись в колхозы и совхозы республики. На травуне молдавский поэт Анатол Кодру, туркменский — Аннаберды Асабаев, поэма которого «Черное эхо» в дни фестивала была написана в «Смене», армянский поэт Арамаис Саакян, русский поэт Михаил Беляев... Символя своих республик, они читают стихи на родном языке, и Кишинев слушает их, внимает их голосу, подхватывает их песни.

Во многих селах и городках побывали поэты. И каждая такая поездка была праздником поэзии, гимном труду и дружбе.

В этом номере «Смены» мы знакомим читателей с новыми стихами участников фестивала — Тамары Жирмунской, Михаила Беляева и Арамаиса Саакяна.

Михаил БЕЛЯЕВ

Утекла моя Ливенка,
Утекла, утекла,
С берегов оползающих
Мой песок унесла.
Торопилась невеститесь —
И пошла стороной,
Что с ней!
Стала ли месяцем
Или ранней росой
Издавлек — засветится —
Немотою займусь:
Так мне хочется
встретиться,
Даже вспомнить боюсь.
Утекла моя Ливенка
Меж дорог,
Меня тревог.

Только блики рассыпаны,
Словно спелый горох.
В ней
Ходили мы
Ставми,
Было столько жары!
Стругунки,
Словно скачущие,
Молодые
Костры.
Я закидывал удица —
Бились карпы в ногах,
Что огромными лунами
Вырастали в прудах.
Утекла моя Ливенка,
Не найти,
Не войти.
В колдовство свое,
В молодость
Посвятит.
Посвятит.

Научи меня взрослого,
Как мне быть,
Как мне жить:
То ли киванн окатывать,
То ли волны катить!

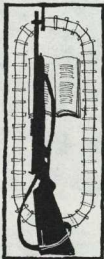
До тебя,
Моя Ливенка,
Я еще не дорос,
Чтобы солнце расквашивать,
Чтобы нежить стрекоз.

На Пушкинский
Засмывший
Твой крутой бережок
Нынче
Падаю,
Будто первый снежок.

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

Отец, вот два билета в клуб.
Ты кинолюбобы выступишь.
Ведь ты, я знаю, кинолюб,
и мать тебе не уступит.
Линуют мамини меза,
и твой костюм немного вытерт.
Не нумерованы места,
сидитесь, где вас не увидят.
А впрочем, это сущий бред.
Я прибедаюсь ненавнику.
Входите в высший книжный свет,
ты мне командовал: «Читай»,
как говорил себе: «Работай»...
Отец, когда же ты читал!
Ломали. Стронили. Рубились.
Ружье и шпалу сочетал
твоя незаказанный эсклибрис.
В свои преклонные лета
ты попоп был одной заботой:
ты мне командовал: «Читай»,
как говорил себе: «Работай»...
Читай! Запом — благодать,
но я краснела отчего-то,

когда, стараясь угадать,
мать путала Гого и Гете.
В кругу скептических поадрд
как было мне не рассмеяться,
когда, читая книгу вслух,
ты заспала в конце абзаца...
Ну лоть теперь поговори
[уже не отмахнешься — с кем!]
об Илффе, об Экзюпери,
о лавке Самдрдина на Невском.
Ты видишь, здесь царит уют,
приходит, не чинясь, не пжмась.
Увы, сюда не забредут
на вид мне ставящие книжницу,
твердящие в который раз,
что мыслю кинжальными словами...
Отец, я расканию о вас
и обо всех, кто рядом с вами,
кто тот же, в сущности, народ,
лоть думает об этом мало,
кому хватало всех работ,
а кинжннсти не доставало.

Арамаис СААКЯН

Мать одна.
Этот город на свете один.
Я тебя буду в сердце носить до седни,
красотою твоей красотоу измаеть
и тоскою твоею, как своей, тосковать.
И хочу я обнять, словно близник друзей,
добротую твою покоренных гостей.
От тебя вдальнее —
я с тобою вдальнее.
Сильною музыки в имени гордом твоём!

Чтоб другие тебя вспоминали любя,
я хочу навсегда быть достойным тебя.
Замечано, как быстро меняешься ты,
но совсем не теряя белой красоты.
И не поезд летит сквозь леса и жоньяе,
а в тебе приближается сердце мое.
Обнимаю я маму свою и тебя,
ты же нас обнимаешь, вбирая в себя.
И какой великой смелостью в судьбе,
что с тобою в душе я шагнул к тебе!

Утекла моя Ливенка

Книжнность

Мой родной город

13
НОВЫХ
СТИХОВ

Я слому неуверенно,
И вода колодна,
Мерз в дорогах
остуженных —
Засывала она.

А какой она теплою,
Словно лечба, была!
Утекла моя Ливенка,
Утекла, утекла.

Утекла в дали дальние,
Но в жизни всегда
Серебристая лачется
Ключевая вода.

И звенят отголосками
Самый ярлык чудес
В ней и школа Хвощевская
И мой Мезенский лес.

Только вздох угаснувший...
Где орли и выюной...
Как сосульки весенние,
Отверкали конюхи.

Утекла моя Ливенка
Белой равной порой...
Чья-то Ливенка плещется
Там, под старой горой.

Рыбачишь с скуманам
Лезу через кусты,
И в штаны забиваются
И трава
И цветы.

И, до камушков близкая,
Потопа небосвод,
Их Ливенка Ливенка
Неизгартно течет.

Больших немало у весны дождей,
Польется дождь, и дождем,
И думавый, навеки,
Растения ставит,
Как хозяин веси,
Покороче,
Позаметней,
Постройней.

И новый дождем,
И новая вода.
Паду ли я таким однажды,
Чтоб вскинулсь,
Взошел
В просторе знамен
Зеленые поля и города!

О, сколько их
Собой века пробыло
И сколько пылью
Пало
Позади...

Пришли,
Во ане раскачивают силу
Большие,
Необытные дожди.

Забыто,
Как будто размыто
Прошедшее долгим
дождем.

Размыто,
Замыто,
Забыто —
И прошлое вижу во всем.

Там не был я мудрым и
и пыльным
И слезы сшибал кулаком.
Там детство
По каждой тропинке
Бежит со своим хохотком.

И падают детство
И бьется,
Глаза,
Свои ноги браня.

Но дни,
Как игральные кольца,
Бросает века
На меня.

Какая там даль
всполоснилась!
Иди ане при тени своей.
Но что б впереди ни
случилось,

А память
О прошлом
Сильней.

Снешу,
И словно обгоняю время,
И высоко
Над временем
Лечу.
И кажется, сомнений легче
бремя
И скорости любые
По плечу.

Снешу,
Как будто где-то среди
ночи
Ане стою
Задернать
Свою шаг —
И сразу станут радуги
короче
И радости погрузятся
во мхи.

Снешу,
И дни сгорают, как ступени,
Как хочется
Достичь
Высот таких,
Где скорость речке
Подскачет тени
И вся земля
Размышистая без них!

Триптих

Нет кабинета у поэта,
Что за полк без кабинета!
Однако я вступаю чуть свет
и, чистя зубы в общей ванной,
вдруг озарился мыслью странной:
вот мой рабочий кабинет.

Потом в холодной пирожковой
я пью напиток порожковый,
раз кофе в кофеварке нет.
И с выражением ослепчачьим
сику и думаю о вечном.
Вот мой рабочий кабинет.

Сажусь в троллейбус номер
первый
и, чтобы успокоить нервы,
смотрю: счастливы ли билет!
И если дни, то сколько новых
стиков шпелю меж остановок!
Вот мой рабочий кабинет.
Все дело в том, что надо шептать
их,
все дело в том, чтоб написать их,
пока есть этот блеск свет
мой персональный кабинет.

Когда я не могу уснуть —
стихи, сонатины, страдания,—
я подбираю для чомчания
спящего кого-нибудь.
Мне все равно, кто сна лишен,
герой ли дня, службист ли тихонький
бесчисленство в маршманом тиканье
часов, отлученный на сон.
Снимаю этажер пасты,

из дома в дом перекочевываю,
летя двадцатипятичасовую
ищу разрядку тямноты.
Моя бессоница — мой гнд
по лабиринтам переулочкам.
Я не один теперь.
С Микуильем,
Микуильч никагда не спит.

2

Вы не спали перед экзаменом,
ваши мысли пусты и зыбкие.
Если вас попенкут названьем,
вы сошлетесь на недосыпчик.
Человеческая природа!
В сонм бессонных не ждите доступа.
Двадцать лет и еще два года —
и кусок вам в рот не идет.
Лучше б выплыть, идюте.
Вас воротит от бутерброда.
Где-то есть питьевая сода.
Двадцать лет и еще два года...

Что ж вы стои! Возьмите стул.
Кто гранату в него швырнул!
Что за вои! Какого звезда!
Двадцать лет и еще два года!
Помните, двадцать лет!

Он выхватывает билет,
на которми вопросы в столбик,
два, и три, и четыре — сто их:
— Что читаете перед сном!
— Сните ли с открытым окном!
— Вам хороше снится сон!
— Не до сна! Поди, влюбленны!
— После кофе заснете, а!
— Может, сном придет голова!..
Тут «счастливы» вопросов нет —
Ноль Микуильчу за ответ.

3

Пока шагает он, как лавиник,
еи сооружают памятник.
Не знаю, летит или льют,—
на постаменте спящий люд,
прославший столько зла и зверства,
и бессердечья, и сарказм,
прославший столько черных туч,
прославший гитлеровский путч.
А наверху, как Вечный жид,
Микуильч.
Он популжит.
Над ним занесена граната,
нет, не лимонна, а громада.
Назвать же все это долины
Бессонной Совестью Войны.

Перед экзаменом

Вздыхаешь, смеешься, волнуешься очень.
Это экзамен — сейчас твоя очередь.
Слышишь, как сердце томительно
замерло
перед экзаменом!
Какется, все позабыл ты нечаянно,
вера сменяется полным отчаянием.
Стойкость твоя провернется заново
перед экзаменом.
Я забьюна науки ученые,
смотрят опасно глаза твои черные,
сердце в груди гудит осязаемо
перед экзаменом.

Так ли живу я!
И то ли я делаю!
Всем ли открыт я!
И полон ли верою!
Правду или кричу несусь я на знамени!
Перед экзаменом!
Как вы, друзья,
равнодушны или пламенны!
Завтрашний день — это снова экзамен!

Перевод В. РОСТРОВА

Вершины

Непокоренных гор вершины
всегда сияли перед ним,
снега, и горные долины,
и медленные туманы дым.
Когда же он, мечту премокая,
увидел небо под собой,
вершина сделалась подножием
другой вершины голубой.
Мечта еще мечту замгла,
рождала веру в день грядущий,
и вершинам солнечным несущий
и юность и размах крыла.

Перевод А. ВОГУЧАРОВА

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

Самая молодая актриса фестиваля — Маложате Влодзиска (Польша).

Штаб-квартира фестиваля — гостиница «Москва».

Фото М. МУРАЗОВА

Кубинская балерина Лус Марья Кальса. Мы видели ее в фильме «Я — Куба».

В конкурсной картине «Недра» (Гуминия) Виорика Фаркаш сыграла главную роль.

За два месяца, которые встанут между 5 июля, когда начался V Международной Московский кинофестиваль, с теми днями, когда наши читатели возьмут в руки «Совхоз» с материалами о нем, пожалуй, основные факты будут всем известны, к победителям привыкнут, и никого не удивит сообщением, что Большой приз за лучший художественный фильм присужден советскому фильму «Журналист» и венгерскому — «Отец». Серебряный приз жюри отдан фильму «Гомане Бля корнет» (Чехословакия), а серебряные призы фестиваля разделили «Вестерн-детте» (Польша) и лучший комедийный фильм фестиваля «Операция «Святая Януария» (Италия). Лучший... Лучшая... Пол Скофилд. Эмби Денис. Грютен Молвыг... Знакомые имена и те, которые услышаны впервые на Московском фестивале, имена, которые «открыты» с его «ласковой рукой».

На экранах кинотеатров нашей страны идет советско-японский фильм «Маленький беглец» — он получил золотую медаль на фестивале Детских фильмов, который впервые проходил в рамках Международного кинофестиваля.

Большие награды были присуждены и документалистам СССР, Венгрии, Нидерландов, Кубы, Великобритании, Канады, Чехословакии, Ирландии.

Призы фестиваля наши гости увезли с собой. С нами остались воспоминания о дружеских встречах, общие радости по самым удивительным выступлениям на фестивале, общая усталость от напряженной ежедневной работы. Когда гости появлялись в дверях гостиницы «Москва», их уже ждали — юноши и девушки добровольно дежурили здесь с кино- и фотоаппаратами, с блокнотами в руках. Молодые москвичи и гости столицы с энтузиазмом приветствовали всех участников фестиваля, надеясь, что, как уже бывало не раз, если перед ними еще не слышно известная звезда киноэкрана, то, возможно, после этого фестиваля они или когда-нибудь перейдут в разряд «звезд», а в руках наших молодых любителей кино окажется первый фотоснимок новой знаменитости, первый автограф...

«Основные подписчики и читатели нашего журнала такие же, как и те, которых вы видите каждый день у гостиницы «Москва» — объясняли мы тем, кто интересовался, для какого журнала мы берем у них интервью. Поэтому разговор часто заходил о молодежи. Представители разных стран одинаково волнуют ее проблемы, тем более что они — режиссеры, сценаристы, актеры — нередко говорят о них с экранов, обращаясь к миллионным зрителям. Наш корреспондент Виталий Засеев взял интервью у одной из самых знаменитых на этом фестивале «звезд» — Анны Карини, которую советские зрители помнят по фильму «Они шли за солдатами», у французского актера Филиппа Леру, который снялся в прогрессивной итальянском фильме «Дикий глаз», получившем высокую оценку советских зрителей, вышедшем еще до этого фестиваля, и режиссера Ник Чавиллы — автора его фильма «Кто вы, доктор Зорба?» и «Нико над головами», у Джини Родари, который приехал специально на фестиваль детских фильмов, и у Иннокентия Смоктуновского, которого нет нужды представлять нашему читателю.

«Я люблю людей»

Сначала несколько слов о фильме «Дикий глаз», который Италия представляла на конкурсы, и о событиях, связанных с появлением картины. Несомненно лет назад мир был потрясен «откровениями» итальянского режиссера Гуальтеро Янопетти, поставившего перед собой задачу доказать, что «все люди — враги». Янопетти носился по белу свету, снимая самые отвратительные стороны жизни: расстрел преступников, увечные наркоманы, истязания больных. А иногда событие не достигало до нужной температуры — организовывал фант, свану жестоким газом кинокамеры производиле. Там были сняты фильмы «Собачий мир» и «Прощай, Африка!». Режиссер Паоло Навара, работавший долгое время с Янопетти и порвавший с ним, решил рассказать о его «починах». В результате совместной работы драматурга Тонино Гуэрра и писателя Альберто Моравиа появился фильм «Дикий глаз» — фильм потрясающей разоблачающей силой фильм о жестокости и против нее. Главную роль исполнил французский актер Филипп Леру.

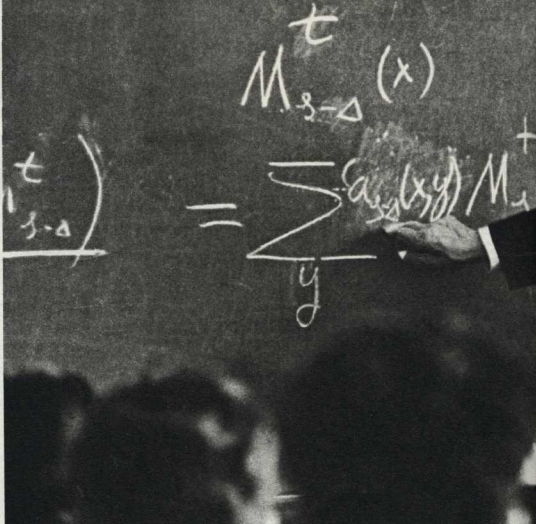
Ценный и истинный на экране, он в жизни застенчив и нетерпелив: — В кино я пришел шесть лет

Встретились два друга — Филипп Леру и Марио Адорф.

Наш народ по праву гордится тем, что первая в мире социалистическая держава выдвинула выдающихся ученых, которые внесли огромный вклад в научно-технический прогресс человечества и составляют славу отечественной и мировой науки.

Из Тезисов ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».

Т. НЕМЧУК

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

КОЛМОГОРОВ

К

бинет академика Колмогорова помещается на 12-м этаже высотного здания МГУ. Из окна видно далеко, до дымчатой городской воздушной завесы строения индивидуальности, обобщает их, абстрагирует. Это уже не отдельные дома с фасадами, номерами, квартирами, подъездами, это не улицы даже, а скорее линии, фигуры, пространства. Словом, то, с чем работает Андрей Николаевич Колмогоров.

Свое первое «открытие» Колмогоров сделал примерно в шесть лет, как только ему попались в руки первые математические объекты — числа — и первые математические операции: сложение, умножение, возведение в степень. «Открытие» было такое:

$$\begin{aligned} 1 &= 1^2 \\ 1+3 &= 2^2 \\ 1+3+5 &= 3^2 \\ 1+3+5+7 &= 4^2 \end{aligned}$$

Может быть, это многообразие, это бесконечность власти над числами составляют одно из самых генических наслаждений математики. Можно покрывать всю бумагу, отпущенную на тетрадь, рядами нечетных чисел, но это ничуть не поколеблет строка, открывшегося нам в четырех словах.

Однако, зная все эти праздничные чувства в шесть лет, Андрей Колмогоров все же испытал некоторые колебания десять лет спустя, когда настала пора выбирать профессию. Впервые, к тому времени ему нрави-

лось много друзей, но одна математика; во-вторых же, не очень приятно было, что в том году на математический факультет университета принимали без экзаменов всех мальчиков. Согласитесь, что в семнадцать лет трудно целиком посвятить себя науке, которая так доступна.

К счастью, тогда не было нынешнего жесткого разделения факультетов, и студент-математик мог записаться на самые разные курсы: по истории, по филологии, по биологии... Можно было стать математиком, не жертвуя свободой интереса.

И Колмогоров им стал.

А через некоторое время студент Колмогоров вдруг записался на семинар профессора-историка Сергея Владимировича Бехрушина.

Его появления нельзя было не отметить. Он входил, барабана по полу деревянными подожавшим собственноручно изготовленных туфлях.

Картина довольно типичная для 1920 года, когда предельная материальная скудность уравновешивалась изысканными восточными Росси духовным изобилием. Тогда в шутку говорили, что эпоха материализма началась с исчезновения материи: не было ни обуви, ни жилья, ни пищи, ни одежды, а лишь «вопрос» обуценой и «вопрос» иждивений, «вопрос» продовольственный и «вопрос» текстильный. И тогда же создавалась новая архитектура и новое литературоведение, новое кино и новая поэзия. Все было необычно, все было впервые, все, как теперь говорят, содержало новую информацию.

Здесь, на этом семинаре, чрезмер-

но громко переступая с ноги на ногу, Колмогоров читал свой первый научный доклад. Это был реферат о земельных отношениях в Новгород, составленный по писцовым книгам XV—XVI веков.

Для оценки достоверности выводов доклада применялись математические методы, методы теории вероятностей.

Конечно, такой доклад мог прочитать только студент-первокурсник, не оцененный ни консерватизма историков того времени, ни возможности теории вероятностей, ни собственных сил. И тут удивительна не оригинальность темы — кто не был оригинален в семнадцать лет! — а ее реалистичность. Вышло так, что теория вероятностей сделалась впоследствии основной математической специальностью Андрея Николаевича, что благодаря его трудам она приобрела мощь, достаточную для того, чтобы победить недоверчивых историков, филологов, военачальников, чтобы войти в области жизни, куда прежде путь ее чистот и мерзот был, казалось, запломбирован навеки.

Но прежде чем Колмогоровом начат свою первую работу, в его жизни произошло одно событие, о котором он не упоминает, но которое запомнилось его друзьям.

В двадцать первом году у математиков второго курса появился новый лектор — Павел Самойлович Урсын. Он читал топологию, где им были сделаны и делались фундаментальные работы. Бывало, что он излагал студентам теоремы, которые сам доказывал только недавно.

Однажды на лекции в доказательстве Урсына была обнаружена ошибка. Не молкая ошибка, а именно ошибка, которую Павел Самойлович смог исправить лишь на другой день; разумеется, при этом он посылал своему критику большое будущее. Этим критиком был студент Колмогоров.

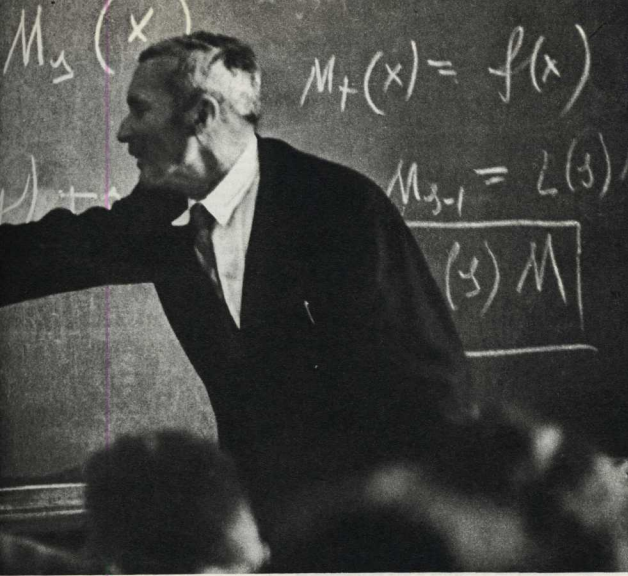
В том же учебном году 2 июня 1922 года Колмогоров завершил свою первую большую (она занимала неполовых семь страниц!) математическую работу. Это была работа не о вероятностях, а о других вещах. Прошло еще три года, он испытал силы на разных отраслях математики, и лишь тогда обратился к важнейшему в своей жизни.

Его первая работа по теории вероятностей была сделана в 1925 году совместно с Александром Яковлевичем Кинчиным.

К 1925 году теория вероятностей была уже развитой математической дисциплиной, далеко ушедшей от субъективности, которую вкладывает здравый смысл в слово «вероятно».

Ее основы заложил еще Лаплас, определив вероятность случайного события как отношение числа благоприятных шансов к числу всевозможных исходов. Это определение сразу же дало вероятности некоторых событий численное выражение.

«Теория вероятностей есть в сущности не что иное, как здравый смысл, сведенный к вычислению», — так написал тогда Лаплас. Но чем дальше шло время, тем больше математики убеждались, что методами

ФИЗИКАЯ ПАНОРАМА

Лапласа можно отнести к высшим, близким к здоровому смыслу. Можно даже пойти, почему это так вышло. Столетиями ковала математика свое могучее оружие — дифференциалы и интегралы, развивалась теория множеств и математическая логика. Между тем теория вероятностей продолжала довольствоваться арифметикой, дробями. Из-за этого математики могли оценивать только вероятности очень простых ситуаций вроде игры в орлянку или кости (не зря ведь одним из первых экспериментаторов теории вероятностей был стрелковый маршал де-Мерсе).

Между тем вероятности, случайные ситуации окружают нас буквально со всех сторон. Разве не обзавели мы случайности своим фактом своего рождения? Разве нельзя рассматривать дискуссию, или экономическое соревнование, или военные действия как своего рода игру с партнерами, преследующими противоположные интересы, с определенными правилами, со своей ценой поражения и победы? И разве любое научное исследование не есть, в сущности, тоже игра с бесстрастным противником — с природой?

Не правда ли, сразу чувствуется, что для оценки таких ситуаций одной арифметикой не обойтись. Нужно было пересмотреть самые основы теории вероятностей, устроить так, чтоб она включилась в общее движение отрасли математики, чтоб могла участвовать в обнове математическим идеям, пользоваться аналитическими методами других, более раз-

витых математически отделов. Эту фундаментальную проблему, к которой впервые обратился французский математик Эмиль Бертель в начале XX века, Андрей Николаевич решил сравнительно быстро — за 8 лет. В 1933 году — ему было тогда 30 — он опубликовал монографию о новом определении понятия вероятности. Это определение связало теорию вероятностей с теорией множеств и превратило ее основные понятия в давно известные математиком объектами — измеримые функции и интегралы. Это новое, колмогоровское определение вряд ли понравится человеку «со стороны», хотя бы потому что оно непереводимо на обыкновенный язык в отличие от вероятности Лапласа.

Впрочем, ни новичком в своем недоумии, ни коллега Колмогорова, математиком, тогда нелегко давалось освоение этой идеи.

Как раз с того времени пошла гулять по университету шутка: когда Колмогоров читает студентам, его понимают лишь аспиранты, когда читает аспирантам, понимают доктора, а когда делает доклады докторам, то понимает его один Хинчин. Но что, спрашивается, заставляло эту шуточку добиваться понимания колмогоровской теории? И не был ли сам тон этой шутки знаком беззастенчивого презрения, не так уж часто в среде математиков?

Во всякой профессии есть свой риск. В профессии математика это риск непризнания. Есть грустный рассказ Гарина-Михайловичского о местном гении, который в XX веке изо-

брел логарифмы. Но есть и была — жизнь Николая Ивановича Лобачевского...

Математик имеет дело с истинами, которые живут очень долго, несравненно дольше, чем длится жизнь одного человека, собственная жизнь самого математика.

Вероятность прижизненного осознания очень крупной математической работы не так уж высока... И если труд Колмогорова был признан сразу и во всей полноте, то на это были очень веские исторические причины.

Колмогоров сделал свою фундаментальную работу в годы, когда резко переменилось общее отношение к теории вероятностей, остававшейся неизменным в течение тысячелетий. Начесть тысячелетий тут нет преувеличения. За триста лет до нашей эры в первой «Физике» мира Аристотель написал так: «Самостоятельность и случай есть нечто более второстепенное, чем и разум и природа». Жизнь человечества менялась, менялось и отношение ко взглядам Аристотеля. Галилей нанес первый удар его механике, потом это разрушение довершил Ньютон, потом Ньютон смешил Эйнштейн. Но все они; и Галилей, и Ньютон, и Эйнштейн; — подобно Аристотелю, считали разум системой, где нет места случайности. Разум должен отсылать причины явлений, те условия, при которых явление произойдет наверняка собой разумность, что эти условия, эти причины всегда существуют. Даже у процессов случайных.

Когда подбрасывают монету в орлянку, можно узнать заранее, какой стороной она упадет, если учесть сопротивление воздуха, характер броска, неоднородности монеты, свойства стола, на котором идет игра. Конечно, монета упадет на стол с определенной силой, мы сможем проанализировать все эти расчеты, но важен принцип: у случайного процесса есть свои, «настоящие» причины, которые наводят уклоняют его случайности. Именно эти «настоящие» причинами, или, как говорят ученые, динамическим закономерностями, и должен интересоваться разум, или заканчивается познание явлений, в вероятностных тонкостях — это просто подспорье, удобный прием, дающий возможность разоблачиться в явлениях, у которых слишком много причин.

Словом, ученые смотрели на статистические закономерности, как на бумажные деньги, которые годятся только при условии, что их можно обменять в банке на золото динамических законов.

Именно поэтому ученых долгое время не особенно тревожило оставание теории вероятности; она, как им казалось, была в грандиозном чуждом мире, и ее уверенность не главным оружием познания мира.

И вдруг обнаружилось, что это не так. В 1927 году на Солявевском конгрессе кризисные физики пришли к выводу, что в самых глубинах природы, на уровне элементарных частиц, из которых состоит все, что нас окружает, полностью отсутствуют динамические закономерности. Там действуют одни лишь статистические законы. Именно они, всегда считавшиеся второстепенными, оказались в основах мира.

В 1929 году, через две тысячи триста лет после Аристотеля, Бертран Рассел сказал в одной из своих лекций: «Вероятность есть самая важная концепция в современной науке, особенно потому, что ничто не имеет ни малейшего понятия об ее истинном смысле».

Естественно, что в таких исторических обстоятельствах результаты Колмогорова были в грандиозном спросу всеми математическим миром и вызвали все нарастающий поток работ. Много позднее Норберт Винер писал в автобиографии так: «Все мои познания о глубине идеи уже содержались в работе Колмогорова прежде, чем они появились в моей собственной работе».

Колмогоров был частично завлекан и самого Андрея Николаевича. Среди двухсот двадцати трудов, которые значатся в его библиографии, есть много сочинений, которые приводят кривые частоты, только прикладные.

У него есть статьи по теории обмена веществ в живом организме и выборочному контролю качества изделий, о взаимном течении жидкостей и статистическом подтверждении теории Менделя (кстати, эти его работы были опубликованы еще в 1940 году). Во время Великой Отечественной войны он артавлялся, разработанными при участии Андрея Николаевича.

Но как бы ни были важны практические результаты этой работы, у них еще всегда есть быть, может, самая важная, чисто формальная сторона — прием, который достигнут, то или иной вывод. Методы доказательства, которые использует Колмогоров, являются частью его теории, оказываются применимыми при решении самого широкого круга проблем, иногда не имеющих отношения к той частной задаче, которую решает конкретное решение Колмогорова. Разумеется, решить все эти задачи

не под силу одному человеку, даже если это человек — Колмогоров. Но Андрей Николаевич никогда не был в одиночестве: он всегда был человеком университетским, не только исследователем, но и преподавателем.

Правда, он лектор не столь безукоризненный, сколько самозабвенный. Его ученики Тихомиров пишет, к примеру, так: «Искусство Колмогорова-лектора не бесспорно хотя бы потому, что лекции его всегда были довольно назидательными, доступными. Андрей Николаевич — лектор и собеседник — велет разговор, часто отрывался от идей, им самим лишь недавно до конца осмысленных, вставал на доску, кем-то занятую, кому следует уделить побольше внимания, а может, и поручить на пробу какую-либо самостоятельную тему. Как говорит сам Андрей Николаевич, «работая с темой должна быть «вспомогательной» в то время, требовать максимального напряжения сил». И в этом отношении — у меня подобрать студентам было ажурнее тему, что рассказывал Андрей Николаевич не знает себе равных».

Ученики Андрея Николаевича знают каждый название: альфа-Дин, Субух, Миланчинович, Ялом, Динкин, Добрушин, Геденко, Прохоров, Арнольд... Теперь у них свои институты, научные направления, свои (а стало быть, и) ученики. Как быстро все меняется! Он пришел в университет в двадцатом году, когда еще не существовало нынешнего небоскреба и геометрической школы на первом этаже факультета размещались в старом славном казакском здании на Мухомой.

Дима Арнольд, который защитил докторскую, будучи еще студентом, кажется, что университет на Ленинских горах был всегда. Андрей Николаевич помнит немногочисленных математиков своей молодости, глянцевитое филологическое и то, как это глянцевитое постепенно начало слезать на нет. И как математика ушла с Мухомой в новое здание, а потом вновь туда вернулась в обличье математической лингвистики. В 1938 году вся пика для Большой Советской Энциклопедии, что нужно развивать «математическое мышление». Теперь и это стало привычной вещью. Но никто не увидит, что в те годы все машины захватили (как университетское здание. Многим кажется, что здание это, и машины, и вахтеры при входе были всегда).

Неожиданно — быстротой, прочностью и неуловимостью стали материализовываться математические абстракции колмогоровской школы. Теория вероятностей — порождение мучительной математической техники, вошедшая в области, которые прежде никогда не принадлежали точным наукам. Появились исторические исследования — прояснились механизмы аппарата теории вероятностей, возникла математика языка и теория стратегических игр, статистическая теория планирования, предсказание будущего.

Прекрасно знать, что среди нас живет человек, который придумал и придает этому великопленному оружию не подозреваемую прежде мощь и беспредельность.

Станислав ТОКАРЕВ

О, знала бы я, что так бывает, когда пускаясь на дебют...

ардак состоит в том, что дебютант в спорте на соревнованиях легче, нежели статистанному ветерану. Что ему испанет труднее потом, после победы, с каждым годом труднее, и обреченный опыт отнюдь не упрощет его положение, а скорее наоборот. Что наше журналистское, наиболее оскомину утверждение «новичок проиграл, так как он новичок», вряд ли соответствует действительности.

Мысль написать эту статью появилась у меня в Дортмунде во время прошлого года чемпионата мира по гимнастике. И мы должны простить меня за то, что я вернусь к его описанию уже не раз подряд.

Перед началом соревнований Наташа Кучинская сказала мне, что у Чаславской ей ничего не выиграть, что она к этому не готова, Чаславская — великий мастер и ее кумир, и когда она Чаславскую увидела, то готова была перевернуться от радости. Буквально цитирую: «перевернулся».

Впечатлившая чехословацкая спорстменка действительно была в многоборье. Правда, Наташа сдавалась не без сопротивления, и это сопротивление порядком потрепало нервы Чаславской: лицо ее, обычно бледное, кавало совсем меловым.

Потом роздают медали на снарядах. Чтобы придать победе весомость и бесспорность, Чаславская обязана была получить минимум три золотых из четырех возможных. Напомним, что европейском чемпионате ей достались все четыре. Она идет на прыжки и выигрывает. Начало положено. Идет к брусьям. Здесь ее комбинация отважна и филигранна. Она не спускается, показывает всю сложность, все обороты и пируеты. И едва не срывается на прыжке со снарядами. Золота медаль у Наташи Кучинской.

Чаславская на бревне. Слова ощущения аренам, снова брошено в бой все, даже то, чего она никогда не выигрывает. И в этот раз она лишь на тренировках провала. И снова ее ждет неудача: в прыстеньком переходе она чуть не падает, — и Кучинская побеждает.

И тогда, растерянная, она кидается в другую крайность, устранив из волевых упражнений даже малейший риск, были бы точность и надежность. А Наташа рискует, открыло рискует, и вновь успех на ее стороне. И приветствуя ее, такую трогательную, такую юную и хрупкую, а вместе с тем сильную и боевую, ей рукоплещет, ею восхищается тамошний зритель. Сolidный зритель, состоятельный русский бортер, не слишком сентиментальный, но слишком любящий нас с вами. Он тоже победил.

А теперь попробуем разложить случившееся по полочкам. Что сговаривало Чаславскую, а уже сказала. Неожиданность отпора. Но что помогло Наташе, дебютантке непонятных семидесяти лет? Прогрессивная школа? Хотелось все-таки, чтобы на помощь поскорее. Вызвал, стоишь уже под помостом, чувствуешь себя вялым, алишась. А выйдешь — публика смегрит, все подтянешь и прямо рывком на помосту, на соревнованиях. Это слова точно иллюстрируют лобнобитную черту характера Наташи — гимнастки-борца. Наташа очень любит выступать на снарядах. Это доставляет ей огромное физическое и душевное удовольствие. Отрабатывая упражнения, до отлучения от окружающей обстановки, до полного невнимания к оценкам собственным и чужим, к занятым местам, к словам, взглядам и аплодисментам. Можете мне поверить, это именно так и происходило в залу самой Наташи или ее тренера Владимира Рейсона, — я не знаю. Я даже не могу сказать, что она волевой человек. Речь идет о других категориях, понимаете?

Но это все субъективные факторы. А был и объективный. Наташа дебютровала, и над ней, как говорится, ничего не висло. Она не обязана была побеждать Чаславскую, поражение не было бы для ее позором. И это, поверьте, очень важно.

Нужды ей было труднее. Вспомните хотя бы недавний прогноз Чаславской на первом этапе Борьбы в Амстердаме. Неожиданно? А может быть, в какой-то мере закономерный? Впрочем, не будем забегать вперед. Ведь читатель может спросить: мы упрем в то, что свои шарообразные позы, позы и подпрыжки издали одним примером. Но попробуем разобратсь дальше.

Итак, почему новичку трудно? Скажем, он не привык к обстановке соревнований, к широкой аудитории, и ее пристальным вниманием сковывает молодого спортсмена. Однако утнем, что, во-первых, выступлению на крупных состязаниях неминуемо предшествуют дебаты на меликх, а публика там все равно есть. Во-вторых же, роль режы идет даже о самом первом выходе на арну официальных соревнований, то невелика цена трену, не пручающему предвзвременно своего питомца сражаться на людях и подвергать влиянию множества чужих глаз.

Другое обстоятельство. Тренер наших штангистов Аркадий Никитич Воробьев как-то мне сказал: «Коль, выйдя на помост, ты сумел отчетливо различить лица зрителей, сидщих в третьем ряду, то ты проиграл». Речь идет здесь о том, что Станиславский называл «крутом вниманием», о необходимости для спортсмена, как и для артиста, уметь оказываться в публичном одиночестве, которое одно позволяет человеку высокую творческую сосредоточенность. Одних в «крут внимания» вводит любовь к спорту. Других — волевые усилия. Первый случай, быть может, идеальнее, но необходимости этого самого умения он не отменяет.

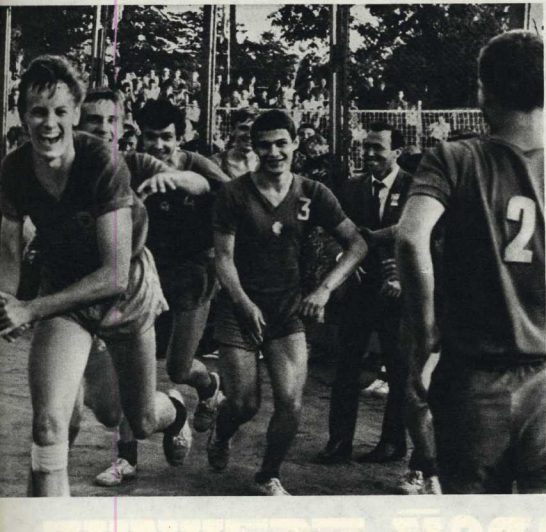
Впрочем, аналогия спорта с театром в данном случае условна. Нам трудно представить, что в тот момент, когда Майя Плисецкая докручивает на сцене классический третий оборот фугты, но зала кричит: «! Давай, Плисецкая, вылей, крути дальше!».

А спортсменам кричат, и еще как! Театральной аудитории уважительно безмолвна, спортивная за честь считает подбадривать либо негодовать. И ничего тут не поделаешь.

Но новичок знает, что к нему зритель всегда добрее. К ветерану публика привыкла, успех его не сенсационен, а публика любит не ожиданием, любит молодых и вообще хочет чтобы спортивная жизнь не стояла на месте. Кроме того, и побед слабого спортсмена неизвестного нам импегитив ей видится как незыбчивая справедливость, а может быть, собственная, зрительская, вожденная, но не бытская победа. Итак, публика дебютанту — союзник.

Конечно, есть такое понятие — «опыт». Опыт рождает тактическую смекалку, умение распределить силы, и это — дело немаловажное. Вместе с тем опыт ставит на пути спортсмена бесчисленное количество «взргов» и «если». «Взргов» доставляет Иванов победив меня с ноткой, а я стану прорываться к воротам? — аум! мек нападающий Петров. — Я давно знаю отгол Иванова, он известный грубиян. Хорошо, если все обойдется, а если нолу попендет? Вот таким и илким сомнамбия и опасениям оброс подчас ветеран, как корабль ракушек. Говорят же: «Один не видит всех опусकों и побеждает, другой видит и проигрывает».

Значит, на стороне молодого есть одно качество — дерзость новедея. Вспомним, как недавно был в нашей футбольной сборной Валерий Паркутин. Как два года назад безвестный польский штангист Норберт Озимек стал чемпионом Европы и мира. Примеров много есть можно привести. Куда как красноречив, слажен, мезьбуриный успех болсера

ПРЕДОСДЕТЬ

Владимира Сафронова, пришедшего в команду почти случайно, первоарядником, и признанного лучшим бойцом олимпийского турнира!

Так что же это такое — блестящий дебют? Случайность или закономерность? Он не может быть признан случайно в силу сравнительно частой повторяемости. И закономерность тоже, так как, в общем, мне кажется (состоит арифметический подсчет здесь труден, а делать его не берусь), новички проигрывают все же чаще, нежели побеждают. Но, значит, при равных допущениях, с ветераном условиях, при одинаковой физической подготовке есть нечто, что можно считать внутренней помехой новичку.

Давайте определим ее условно как «нескорость». Мне вспоминается один велосипедщик. Папал он впервые в сборную страны, поехал на гонку Мира, а перед стартом гонки его товарищ по команде в одной из неофициальных прикидок опередил самого Густава-Альдофа Шура, «босого волака» пошел, пришедшего ГРД Деве золотых медалей чемпионов мира. «Ну, Павел», — скавал наш гошник товарищу, — «если уж ты, такой старый, Шура победил, то я-то с ним запросто разведаться». Коллектив всегда наставлял на подобное хвастовство. И молодой этот парень, обуняный жаждой доказать свою силу старожилам сборной, в тот год больше надал, чем крутая пехота. А способный был гошник.

Я склонен утверждать, что, хотя попасть в сборную страны впервые — большая честь, от которой не грех слегка покружиться головой, а день дебюта правильнее занимать собственным

силами. И уважительно смотреть на бывалых конкурентов. От этого взгляд яснее, чувство, instantaneous мастерство нагляднее, а значит, дебют твой вдвойне полезнее, поскольку он еще и учеба.

Рецепт от болезни нескромности, во всей вероятности, прост. Она заключается, если спорт доставляет человеку удовольствие самим процессом соревнования, а не звуками трубы, которые сопровождают вручение медалей. Не будем измерять: кому из нас не приятна слава? Но она достается вовсе не тем, кто думает лишь о ней. Однако довольно иррационально, поговорим о другом. Я часто думаю: как-то будет Наташе Кучинской в олимпийском Мехико? Видя в Дортунда и Александра Дортунда и с грустными воспоминаниями об Амстердаме.

Ведь ведь еще и в том, что, с одной стороны, сразу после первого успеха мы начинаем безудержно хвалить юного человека — больше, разумеется, нежели победителя-ветерана, с другой — тут же предьявляем ему суровое требование во то бы ты ни стало оправдать и наши похвалы и наши послужившие на него надежды. И клубится вокруг него такой же рой разговор, слухов, слухов, слухов, как и вокруг, скажем, кинозвезды. И мы (в том числе и журналисты), случись ему введя за победой прогнать, свои собственные фамилиям — вот в чем еще обидней парадокс! — ставим иногда ему в вину: «Ага, захвлялся, стало быть, занаялся, перестал тренироваться, начал нарушать режим, оттого и неудача».

Но слава далеко не обязательно порождает

«звездную болезнь». Это раз. Если порождает, то кто, как не мы с вами, в первую очередь виноваты? Это два. Наконец, три: берегает спортсмена от излишней похвалы и критики, мы все же должны ожидать от него побед...

Да, теперь с каждым годом будет труднее и Наташе и любому удачливому дебютанту. Помнится, после возвращения из Токио олимпийская чемпионка Галина Проузенникова сказала, что она почти не волновалась, вот ее попутра Светлана Бабакина волновалась, и очень: «Понятно, возраст...» Проузенниковой было тогда пятнадцать, и мы, узнав об этой фразе, добродушно посмеялись: вот, мол, до чего Галина еще маленькая, ой даже двадцатипятилетняя Бабакина кажется взрослой и почти пожилой. А во фразе был смысл серьезнее. Двадцать лет — это ведь, как минимум пять лет в спорте, это неслучайно, каждый из которых необходимо подтвердить и упорчить, это постоянная боязнь потерять чемпионскую репутацию. Вот какой тяжелый груз приходится нести.

В 1963 году на турнире штангистов Спартакиады народов СССР помог сжать Юрия Власова и Леонида Жаботинского. Власова вечно все мыслимые почетные трофеи мира, Жаботинский делал первые шаги блистательной в дальнейшей карьере. Жажу Власова, как это случилось не раз, не пошел, он завершил и даже несколько «потерял лицо» — стал слегка загорывать с публикой: унес, например, на руках под смех зала ассистента, что принимает биснис. Он был болен. Люди в зале ждали от него богатых подвиги, он это чувствовал, знал, но...

Жаботинский побил рекорд в рыжке. Власовский рекорд. Побил его триумфально: он так долго держал тяжеленную штангу над своими рыжыми кудрами, что мой приятель-репортер успел, кажется, за это время передать в редакцию сообщение о событии. А вал грохотал, и грохот, наверно, больше был по иронии Власова. Ему отчаянно не везло в тот вечер.

А потом перед нашими глазами разыгралась настоящая драма. Натужно завершил первый подход в толчке Власов, второй подход упустил, а к нам, к зрителям. Остановился перед первым рядом, поднял руку, просит тишины, и тихо и печально сказал, что это было его последнее выступление, он всех благодарит и хочет попрощаться, так как никогда больше в жизни не выйдет на помост.

В тот вечер вовсе не успех Жаботинского срывает его. Просто долгие и суровые годы борьбы и побед над желанием и над самим собой, обаявшиеся и несбывшиеся надежды бросили его в помуду. Он выступил, он не сдержал слова. За минутную слабость последовали дни успехов. Но и эту минуту не вычеркнуть — она многое значит.

Да, друзья мои, нашим героям и кумирам приходится очень нелегко со своей слабой. И что греха таить, иногда она не помогает, а мешает оправдать наши ожидания. Подчас перед составлением сборной команды мне не слышим дальновидные тренеры мучают спортсмена бесчисленными прикидками, на которые уходит так много сил, что для решающего боя их уже не остается.

Но это к слову. А вообще, конечно, легко советовать и рекомендовать проще смотреть на свои спортивные белды, познать, что жизнь богата, и не сетовать жалком счет на утраченный рекорд.

Нынешний год — год IV Спартакиады народов СССР.

Она подарила гвардейской роте нашего спорта, основанной состав сборной блестящие, но известные прежде имена. И если статус их извечен на наших блоках, из списков имен и в табели рекордов, то означает это прежде всего небрежность по отношению к людям, к людям немаловажных судеб, трагизмство по отношению ко всему физкультурному движению. Вот о чем стоит задуматься.

Однако я, наверно, не вынашиваю бы и той же доли всех этих твоих воспоминаний, если бы думал, что они способны отключить от спорта хоть одного новичка. Вуд спорт легче, грехи его чужды. Характеры мужают в борьбе. В борьбе с собой, недаром Грэм Смит так и озаглавил свою книгу — «Соби проделывать».

Если бы он, новичок, знал, как бывает, когда пухляк не дебит, то как бы поступил? Так же точно, можете быть уверены.

Студенты ждали ответа от властей...

...есть или восемь. Полицейские набросились на студента с дубинками и стали его избивать. Потом кто-то выстрелил из пистолета в упор в затылок... Студент упал на мостовую».

Это только одно из многих свидетельских показаний по делу убитого студента Бено Ондозга, которые напроць отмечают официальные версии о «вынужденной самообороне» западноберлинской полиции.

Избиение студентов около здания Оперы в Западном Берлине, полицейскими, вооруженными дубинками и пистолетами, люди называли

ПОСЛЕСЛОВИЕ К «КРОВАВОЙ ПЯТНИЦЕ»

...Но вместо ответа они увидели кровь товарищей на мостовой...

Черный крест перед студенческим общежитием — напоминание о «кровавой пятнице».

«корова яптицья». Они поставили его в один ряд с самыми гнусными злодеевскими...
 Особенно после того, когда исполняющий обязанности бургомистра Западного Берлина Генрих Альбрехт, узнав о подлости тамплиеров-студентов, официально заявил: «Подчеркиваю, что я лично действия яптицы одобряю».

Видно, и Генрих Альбрехт, и другие «шпанацкие» порядки и предатели, и кем-то последствием приваду «корова яптица» и последующие «чрезвычайные меры».

Погороны Бено Онезорга вылились в массовую демонстрацию молодежи против душителней демократии в Западом Берлине и в ФРГ. Около 100 тысяч студентов приняли участие в маршах молчания и траурных митингах, состоявшихся почти во всех университетских городах Западной Германии: Дюссельдорфе, Гейделберге, Аагене, Мюнхене, Кельне, Штутгарте и т.д. Выразился также гневный протест против убийства Бено Онезорга, молодежь одновременно выступала с резкой критикой всей политической обстановки в ФРГ против немецких правителей Бонна, ведущих наступление на гражданские права немцев. «Корова яптица» послужила искрой, от которой вспыхнули сотни горячих дискуссий и резких столкновений с властью немцами по самым животрепещущим и давно назрвавшим вопросам. «Мы регистрируем огромную политическую активность, какой никогда еще не переживали», — публично заявил директор Мюнхенского университета. «Иногда еще», — добавила западногерманская пресса, — наша студенческая организация имела такой политичской солидарности».

Массовое выступление студентов вызвало серьезное беспокойство властей. Это привело к развалу нубоу в момент, когда в Бонне собирается проташить через будущее «чрезвычайную конституцию», имеющую цель окончательно придать демократическую оппозицию.

Используя прессу, радио и телевидение, боннские правители сделали все от них зависящее, чтобы скомпрометировать студенческое движение. Активных студентов пытались представить «красными террористами», «возмутителями спокойствия» и «бездальниками», которые готовы устраивать свирепые демонстрации по любому поводу».

Разумеется, было бы большой ошибкой считать западногерманское студентство однородной и сплоченной силой. Не надо забывать, что большинство учащихся вышних учебных заведений ФРГ — выходцы из богатых и состоятельных семей. Детей рабочих среди них менее пяти процентов. Все прогрессивные организации в ФРГ давно запрещены, но студентство оказывают большое влияние реакционные корпорации, церковь и профессора-наставники, проводящие фашистскую «доброрядность».

И все же, если даже права печать ФРГ с твоевой гонимости «политической солидарности» востановления студенческой организации по основа для такой солидарности, безусловно, существует. Эта основа — общее разделение, которое вызывают у молодежи и наставников реакционных правителей Бонна, кому не пошли впрок самые возмущительные уроки истории.

В связи с заметной активацией

молодежи в Западной Германии доволно убедительно выглядит некорректно результаты опроса, проведенного среди студентов известным гамбургским журналом «Шингеля». Опрос был проведен под девизом «Что Амурат студенты».

«Шингеля»: «Должны ли граждане ФРГ иметь больше доверия к своему правительству, считая, что оно делает все необходимое для защиты всеобщих интересов».

79 процентов опрошенных студентов ответили отрицательно.

«Шингеля»: «Делает ли боннское правительство все от него зависящее, чтобы добиться воссоединения Германии?»

Того же мнения придерживаются только 8 процентов опрошенных. 44 процента считают: «Безраздельное правительство хота и говорит много о воссоединении, но в действительности этого оно не делает ничего».

Одна треть опрошенных студентов заявляет: они не рады тому, что приходится применять в Западной Германии. Каждый пятый охотел переехать бы в какую-либо другую страну.

В ряде случаев «Шингеля» приводит мнения студентов Западного Берлина. Есть ли заметная разница между устами студентов ФРГ и Западного Берлина?

Да, есть. И очень заметная. Студенты Западного Берлина настроены более решительно и выражают свое мнение о политике Бонна еще более резко.

Две трети западноберлинских студентов считают, что западноберлинская система ФРГ функционирует плохо.

Две трети западноберлинских студентов думают, что Бонну следовало бы признать границу по Одеру — Неисе.

Половина западногерманских студентов прямо заявляет, что они не хотели бы жить в таком государстве, как Западная Германия.

Чем объяснить тот факт, что западноберлинские студенты демонстрируют сегодня большую политическую зрелость и сплоченность? Может быть, причина тому — реальная возможность сравнить то, что происходит сегодня в ФРГ, с жизнью в ГДР, которая ведь совсем рядом, ее можно видеть каждый день из окна любого высокого дома неподалеку от государственной границы.

Каковы бы ни были причины, рост политической активности студенчества продолжается. Не случайно в настоящее время подготовлено для социал-демократической фракции западноберлинского сената после «корова яптица», записаны такие слова: «Ситуация серьезна, чем когда-либо до сих пор... Если не предпринять необходимых мер по широкому фронту, то Берлин (Западный)».

В. С. может пережить очень скоро кризис своего существования. Моменты подавить демонстрацию с помощью полиции и раз и два, но с каждым разом это будет все труднее. Поисками нежелательно использовать против тысяч, десятков тысяч и больше молодых людей. А подобная ситуация может сложиться в любой день и час».

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПАДА ЗА СМЕНУ

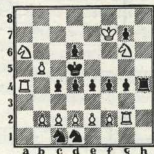
№1

(см. №№ 2, 6, 11 и 15 журналов)

ПЯТЫЙ ТУР

1. ПОЛОМАЙТЕ ГОЛОВУ

На заключительном этапе нашего составления внимательнейшим образом рассмотрели в которой внешней оригинальности сочетания с необычностью решения. Хотя белым, тот кто узнает из кратчайший путь и пленением неприятельского короля, будет удостоен оценки в 5 баллов.

II. ВАШИ КОММЕНТАРИИ

Внимательно разберитесь и прокомментируйте пришедшие к нам письма. Особенно этот разговорные настолько динамично и остро, что анализ доставит каждому шахматисту массу удовольствия. Одно напоминаем — сосредоточиться на главных — критических моментах борьбы. Отличный комментарий будет оценен в 4 балла.

- 1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Ke9 d5 4. Cd3 Khd7 5. d4 Cc7 6. Kf3 0-0 7. Jc1 c6 8. Fe2 Jd6 9. Cd3 h6 10. Ch4 a6 11. Cf3 e3 12. Cd4 h6 13. Cd3 c5 14. de Ce5 15. Jcd1 Ff6 16. Kd4 Kd7 17. Cd1 Ff6 18. Kd4 Kc4 19. Cd7 Fe7 20. Fe4 Fe7 21. Fe4 Fe3+ 22. Kp2 Fe4+ 23. Cd4 Fe3 24. Jd2 Fe4+ 25. Cb5 Kf4 26. Cc3 Cb4 27. Jc2 Kc5 28. Cc4 e3 29. Fe4 Fe3 30. Fd1 e4 31. Ke5 Cc4 32. Kc4 Ff3+.

3. Белые сдались.

Запомните, что письма на пятый тур Олимпиады можно посылать в редакцию не позднее 10 октября с г.

ОТВЕТЫ НА ТРЕТИЙ ТУР

- 1. Белые достигают победы после 1. Kp1 Kp7 2. Kp9-11 0-0 ит.т.д. ит.т.д. массированную жертву «слотлились» многие читатели: Kp9 3. h6 c3 4. Kp2 и т.д.
- 2. Коммунистическая партия началась «защитой Умичева» (на русском этот лабет часто именуется «защита Парша»). Первые шаги на внутреннем, но спорный шаг — защита с жертвой фигуры. Голый белый лабет может отвлечь от и остаться

III. ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

Думается, что обе композиции понравятся и квалифицированным шахматистам и любителей нашей олимпиады. Не забывайте, что если вы не можете победить, мы отменим или переформулируем, нам будет засчитано такое же количество баллов (по два за каждую задачу), какое позволит за правильное решение.

8
7
6
5
4
3
2
1

a b c d e f g h

В первой позиции белые выигрывают и дают мат в два хода; во второй задаче — мат в три хода.

IV. СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЕМ!

Приводим новые вопросы нашей шахматной интрижки.

1. Кто и о ком заявляет: «Гениальный самородок. Он был немцем русским, который стал работать над созданием лучшей шахматной жизни в России?» (1 балл).
2. Какие вы знаете в истории шахмат международные турниры, в которых принимали участие все игроки? Как этот прозвонился? (1 балл).

V. И, НАКОНЕЦ ЭТО!

Могут ли белые реализовать свое минимальное преимущество при изначальной игре противника? (3 балла).

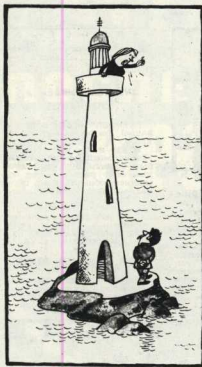
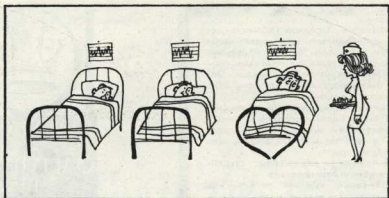
8
7
6
5
4
3
2
1

a b c d e f g h

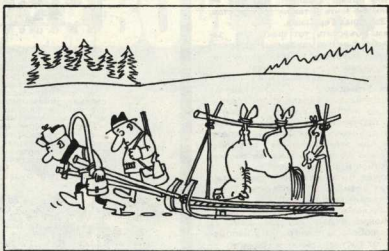
- 2. И. В. Толстой. И. В. Крыленко.
- 5. 1. Kd4 Fd4 2. Jd3-3 Kp5 3. Jd3-3 Kp4 4. Kc3-3 Kp5 5. Jd3f1 Fd3. Пат.

Молодой художник Роман Пальмаускас хорошо знаком читателям литовского сатирического журнала «Шаротас», где часто печатаются его рисунки. Роман умеет весело прокомментировать событие, найти в потоке жизни юмористическую ситуацию и подметить человеческие слабости. Публикация подборки рисунков Романа Пальмаускаса, мы знакомим читателей «Смея» еще с одним одаренным юмористом.

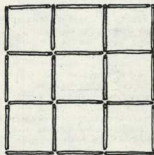

— ДАЛЕКО НЕ УХОДИ, СКОРО БУДЕМ ОВЛАДЕТЬ.

5
НА ДА 3
МЫШЬ
НИГ

- Из 24 спичек сложено 9 квадратов.
- Попытайтесь уменьшить количество квадратов до 5, убрав при этом 4 спички.
- Уменьшите количество квадратов с 9 до 3, убрав 6 спичек.

- Найдите дорогу к средневековому замку.

- Разделите фигуру 2 двумя линиями на четыре части, которые можно уложить в квадрат.

На первой странице обложки: «Пассажиры» гигантского «Ан-22» — многотонные ракетные комплексы.

Фото Г. МАКАРОВА

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редакция: К. К. Андреев, В. М. Ганичев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Дюлаковский, К. М. Замохин, Р. Ф. Казаков, А. П. Кузнецов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Ступов [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Вузынский проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отделы: литературы и искусства — Д 1-32-84; очерки и публицистика — Д 1-03-51; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотографии и репортажи — Д 3-30-97; информация — Д 3-31-03; оформления — Д 0-29-38.

Художник-оформитель О. Теслер

Технический редактор Н. Вуднига

А 00100. Подписано и печати 15/VIII 1987 г. Формат бум. 70×109/8.
Усл. печ. л. 5,6. Тираж 1 100 000. Изд. № 1568. Заказ № 2230.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Музыка Александра АВЕРКИНА

Слова Вениамина БУТЕНКО
и Геннадия ГЕОРГИЕВА

Р Ы Б А К И

Кто в море всю жизнь свою ходит
и в нем оставляет свой след,
тот знает и скользкие ходит,
и рыбой пропахший рассвет.

Припев:

Рыбаки, судьба такова.
Рыбаки, вам суша мала.
Палубы для вас — острова
земного тепла.

А сети все время в движенье,
тревожно взлетают вокруг,
как будто они продолжены
рыбачок обветренных рук.

Припев.

На море не могут иначе:
здесь делится хлеб и беда.
И курс на большую удачу
рыбачке держат суда.

Припев:

Рыбаки, судьба такова.
Рыбаки, вам суша мала.
Палубы для вас — острова
земного тепла.

К Р О С С В О Р Д

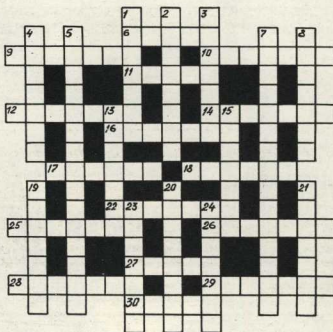
Составил В. КОЛЕСОВ, Воронежская обл.

По горизонтали:

1. Русская народная игра.
2. Польский танец.
3. Автор оперы «Осуждение Фауста».
4. Нравственный новеллист.
5. Основное население автономной советской республики.
6. Одна из поларных областей Земли.
7. Медицинский инструмент.
8. Советская газета.
9. Герой рассказа М. Шолохова «Судьба человека».
10. Город в Казахстане.
11. Полевой шесток.
12. Певца, народная артистка СССР.
13. Автор пьесы «Мой старший брат».
14. Лиственное дерево.
15. Опера С. Прокофьева.

По вертикали:

1. Брус, ограждение на шлюпах и яхтах по краю борта.
2. Поверхность Земли, находившаяся над очагом землетрясения.
3. Сорт тына.
4. Советская лётчица, Герой Советского Союза.
5. Часть реки.
6. Отдел физиологии.
7. Областной центр в РСФСР.
8. Цветок.
9. Столица одной из республик Югославии.
10. Художник-передвижник.
11. Подставка для подрамника с холстом.
12. Учебник.
13. Сельскохозяйственное орудие.
14. Река в Южной Америке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЕ в № 16.

По горизонтали:

1. Вальсунг.
2. Бартоломей.
3. Ремслам.
4. Таверна.
5. Лемпир.
6. Миндаль.
7. Колпачко.
8. Зарница.
9. Токсига.
10. Варшава.
11. Крайла.
12. Писак.
13. Селитра.
14. Асфальт.
15. Ротор.
16. Насулак.
17. Карпачев.
18. Дрофа.
19. Амурбрак.
20. Ставина.
21. Родонит.
22. Америкто.
23. Антрацит.
24. Номдун.
25. Иондари.
26. Центавр.
27. Кальтары.
28. Алахагата.
29. Яломича.

По вертикали:

1. Бутанов.
2. Нивельер.
3. Угавина.
4. Граммота.
5. Вальмак.
6. Ремира.
7. Тондлен.
8. Нилгар.
9. Ковари.
10. Алабама.
11. Асахан.
12. Шолоуэр.
13. Ветгу.
14. Роберт.
15. Полугон.
16. Веттеры.
17. Пард.
18. Котко.
19. Парва.
20. Радикал.
21. Фандара.
22. Афагна.
23. Евеина.
24. Хрония.
25. Стация.
26. Антонио.
27. Хривади.
28. Альтыра.

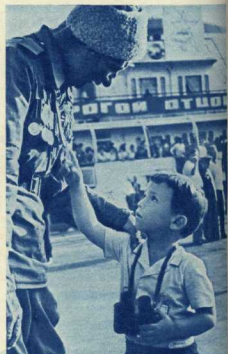

ЛЕНИНГРАД. ИЮЛЬ 1967.

На Марсовом поле, у памятника жертвам революции, участники слета возложили цветы.

В Белом зале Таврического дворца собралась на Международную встречу, посвященную 50-летию Октября, юность Земли.

У Героя Народной армии Вьетнама Нгуен Туена полюбилось жлоко новых и верных друзей.

Юный ленинградец внимательно рассматривает награды участника трех войн, почетного гостя слета Смбага Оганесовича Галстяна.

